

Мне давно хотелось убить

Автор:

[Анна Данилова](#)

Мне давно хотелось убить

Анна Данилова

Детектив Юлия Земцова #3

Человек со множеством лиц... Неуловимый маньяк, идущий кровавой дорогой преступлений, отмечая свой путь истерзанными телами женщин. Кто он? Один ли творит свое черное дело? И почему он так хорошо осведомлен о ходе следствия? Сотрудница частного сыскного агентства Юлия Земцова чувствует – убийца где-то рядом. Ее жизнь буквально висит на волоске. Один раз ей чудом удалось вырваться из его когтей. Ей нужно успеть нанести ответный удар. Ведь везет лишь однажды...

Анна Данилова

Мне давно хотелось убить

Глава 1

Он не чувствовал себя убийцей. Более того, все, что происходило с ним в последнее время, казалось ему если не сном, то какими-то сладостными

фантазиями, наполняющими его жизнь невероятными по силе ощущениями, от которых на душе становилось тревожно и вместе с тем спокойно. Он словно бы поднимался над собой и даже видел себя со стороны, такого сильного, могущественного, исполненного уверенности в себе и даже красоты.

Его романы с женщинами носили кроваво-красный оттенок. Красный цвет вообще всегда возбуждал его, что уж говорить о запахе крови... А движения женщин! Агония! Это ИМ казалось, что судороги свидетельствуют о близком конце, на самом же деле это были самые что ни на есть сексуальные движения, какие совершает женщина во время совокупления.

Он жалел, что они, женщины, эти несовершенные существа, не в силах осознать все то блаженство, которое он приносил им, открывая перед ними, грешными, невидимые врата смерти. Ведь что есть смерть, как не избавление от тягот жизни, от страданий?! Зачем, спрашивается, человек рождается вообще? Кто движет его мышцами, когда он прокладывает себе путь в материнском лоне, стремясь навстречу свету, неизвестности, холоду и опять же – СТРАДАНИЯМ? Кто придумал этот зверский инстинкт, выталкивающий младенца из теплой материнской утробы, чтобы потом, спустя долгие годы мучений, вновь превратившись в прах и смешавшись с землей, он мог возродиться растением или другим организмом... И где здесь смысл вообще?

* * *

Он вернулся на Графское озеро, чтобы еще раз убедиться в том, что и эта, его последняя, любовь, вернее, любовный акт – не плод его воображения, что эта чудесная девушка действительно была здесь... Ну конечно, вот ее красное платье в мелкую белую крапинку и красная маленькая сумочка, напоминающая большой мягкий и бесформенный кошелек с застежкой – золочеными шариками, которые так звонко щелкали, когда он доставал оттуда губную помаду и носовой платок...

Она долго остывала, и поэтому, обнимая ее и страстно прижимаясь к ней всем телом, он еще какое-то время представлял, что она жива и дышит. Но все же она была мертва, а значит – неподвижна, она не могла сопротивляться, она была покорна, и эта покорность нравилась ему в женщинах больше всего.

Он собрал ее вещи и завязал в узел. Но потом, бросив последний взгляд на растерзанное женское тело, белеющее в посиневших от сумерек ивовых зарослях, взял нож... «Маленькая, потерпи, это совсем не больно».

* * *

Игорь Шубин гнал машину по обледеневшему шоссе, моля бога только об одном – как бы не взлететь и не раствориться в этом сером и холодном сонмище облаков, этой зимней прозрачности воздуха и мертвенной пышности сурового январского морозного утра. Ведь зима – это смерть тепла. А Шубин любил жару, зелень, солнце. И, конечно, одну-единственную женщину – Юлю Земцову, которая не любила его. О чем бы он ни думал, его мысли все равно плавно струились к ней, и, быть может, только благодаря тому, что она существовала, был жив и он.

Крепко держа руль, он представлял себе, что рядом с ним, по правую сторону, сидит она, молчаливая, грустная, и так же, как он, смотрит на дорогу, думая о чем-то своем. У нее своя жизнь, и Юля не собирается впускать в нее Шубина. От знания этого Игорь был готов признаться самому себе в полном бессилии... Как добиться того, чтобы тебя полюбили? Да и возможно ли такое вообще, если она любит другого?

Как ненавидел он эти пустые и ничего не значащие слова: ОНА, ОН, ЛЮБИТ, ДРУГОЙ, КРЫМОВ, НОЧЬ, УТРО...

Что-то с ними со всеми произошло в последнее время. Что-то накатило, холодное, неотвратимое, тугое, как ночной ветер, как полная сил январская метель. И имя этому состоянию, которое выстудило души всех – и Щукиной, и того же Крымова, и Шубина, и Юли Земцовой, – было ЧЕРНАЯ МЕЛАНХОЛИЯ. Не спасали ни шампанское, ни свежая земляника, привезенная в их город из солнечной Испании, ни роскошная гостиная с пышущим жаром огромным камином, ни близость заснеженного соснового бора, рядом с которым и построил Крымов свой загородный дом, куда пригласил друзей, чтобы отметить Новый год... Там же справляли и Рождество, и все было так же красиво и по-киношному: свечи, старинная музыка, красное вино в тонких и прозрачных фужерах, толстые и теплые ковры под ногами, блеск в глазах... Но нет, это длилось не неделю – как это могло следовать из календаря, – а всего лишь мгновение. Потому что все четверо были заражены вирусом этой самой черной

меланхолии. А причин для нее было много, и все разные. Крымов сказал в шутку, что «хандра – явление профессиональное». И все поняли, что он имеет в виду. Ведь то, чем они занимались, было делом нервным, страшным и не для слабаков. Частное детективное агентство, которым руководил Евгений Крымов, процветало, если вообще уместно применить это слово к их деятельности. От клиентов не было отбоя: в городе росла преступность. Убийства исчислялись десятками в неделю. Говорили, что это год такой – високосный. Юля Земцова и Игорь Шубин – им приходилось работать больше других, поскольку Крымов в последнее время занимался исключительно организационными вопросами, а беременная Шукина, которая отвечала за бутерброды и связь с экспертами, едва справлялась со своими обязанностями, – настолько сблизилась за последние месяцы, что начали понимать друг друга без слов. Но и это высокое (в психологическом смысле) общение происходило в атмосфере запредельной усталости, когда два человеческих существа перемещались в пространстве, как зомби, обреченные на вечный поиск убийц. Именно убийц, потому что все остальные преступления просто меркли перед этой кровавой вакханалией, разыгравшейся в городе. В основном это были заказные убийства: рэкетеры, обиженные на не желающих подчиняться горожан, причем независимо от того, чем бы последние ни занимались – производством сливочного масла или крупными внешнеторговыми операциями, – нанимали в качестве киллеров спивающихся спортсменов и бывших зеков и за смешные суммы заказывали смерть неугодных. Многие убийства носили маску самоубийств. И это было цинично, поскольку и настоящих самоубийств было больше чем достаточно. Из окон выбрасывались одинокие, забытые всеми и вконец обнищавшие пенсионеры; вешались подростки, так и не успевшие почувствовать вкус настоящей жизни, полной смысла и радости; умирали, представляя себя птицами, юные наркоманы, вкатившие себе «по полной»; резали вены и ложились в ванну с горячей водой безработные мужчины, уставшие от непонимания их близкими; травились сорвавшие себе здоровье и психику на панели совсем еще девчонки; засыпали вечным сном целые семьи беженцев из Казахстана и Узбекистана, оставляя после себя чисто вымытые помещения и кастрюльки с ядовитым осадком на дне...

Понятно, что в агентство Крымова обращались в основном состоятельные люди, для которых найти виновного в смерти родного человека становилось смыслом жизни. Но случалось, что, расследуя какое-нибудь одно дело, Юля с Шубиным разматывали еще несколько змеиных клубков, с ним связанных. «Мир сошел с ума. Скоро в нашем городе останутся одни преступники. А кто же тогда будет работать?» Юля говорила эту фразу не со зла, но последние слова звучали довольно цинично.

Двадцать восьмого декабря они поймали человека, перестрелявшего целую семью. Им оказался не киллер, то есть не наемный убийца, а родственник пострадавших, который задолжал кому-то крупную сумму денег и намеревался, убив брата, его жену и детей, отдать долг имуществом и деньгами убитых.

Двадцать девятого и тридцатого все отсыпались: и Юля, и Шубин, и Щукина, которая за последние дни даже как будто похудела и спала с лица. Хорошо чувствовал себя только Крымов, который, как и подобает хозяину, лишь координировал действия подчиненных, лежа на диване с телефоном в кармане домашнего халата, а потому не успел устать, а тем более – похудеть. Быть может, поэтому именно он и предложил друзьям и коллегам встретить Новый год в его загородном доме и даже пожить там до окончания праздников, приходя в себя и отдыхая физически. Хотя все понимали, что он так расщедрился лишь из-за Земцовой, которая то ли из упрямства, либо еще по какой причине не собиралась в ближайшее время выходить за него замуж. Щукина назвала их роман «пунктирным»: они то сходились, то расходились, и, возможно, в этом и была прелесть их отношений. Но Шубин знал, что уж кому-кому, но только не Юле Земцовой требовались столь острые и свежие ощущения, какие могли дать эти контрастные фрагменты затянувшегося романа. Ей, как и всякой другой женщине, нужна была любовь. Но Крымов не умел любить. Он с блеском умел лишь симитировать любовь и страсть, и Юля это понимала, и, как ни цеплялась за сладостность самообмана, в последнюю секунду приходила в себя и в очередной раз ускользала из рук темпераментного собственника – Крымова. На радость Шубина. Что же касается Щукиной, то ее отношение к Юле постоянно менялось: от нежно-заботливой подруги до отвратительно-злой соперницы. У нее тоже был в свое время роман с Крымовым, который закончился, в сущности не начавшись. Но Надя была практичной женщиной и предпочла постоянное место секретарши в агентстве бывшего возлюбленного месту непостоянной любовницы. Возможно, что последнее обстоятельство и подтолкнуло ее к этому странному браку с патологоанатомом Лешей Чайкиным, от которого она уже ждала ребенка.

Тридцать первого, когда все четверо собрались у Крымова, первый вопрос, который прозвучал почти хором, был: «А где же Чайкин?» Ведь только Надя Щукина из всей компании была семейным человеком, и вдруг она пришла встречать Новый год ОДНА! Почему?

Надя, ловко скинув с себя роскошную норковую шубку и оставшись в сверкающем золотистом платье, ладно обтягивающем ее стройную фигурку,

тряхнула своими густыми ярко-рыжими волосами и, как-то криво усмехнувшись, словно ее губы свело судорогой, произнесла, парализуя неожиданной новостью всех присутствующих:

– Я ушла от Чайкина.

Юля, которая широко раскрытыми глазами разглядывала совершенно плоский живот Нади, так вообще потеряла дар речи.

– У меня была мнимая беременность. Я выяснила это совсем недавно.

Таков был ответ.

Даже Шубин – внешне совершенно флегматичный и спокойный – и то возмутился:

– Ну ты даешь... А как же физиология и... все такое?

– Поверь мне, Игорек, все признаки беременности были налицо. Вернее, на животе... – рассмеялась Надя, как ни в чем не бывало кружась перед зеркалом, а точнее, перед зеркальной стеной. – Женька, какое чудное у тебя зеркало! Прямо как в балетном классе! Юля, Игорь, ну что вы так на меня уставились?

Игорь заметил, как Юля, осторожно повернув голову, бросила взгляд на Крымова, стоящего в дверях просторного холла и молчаливо наблюдающего за немой сценой. Игорь сразу понял, что Крымов был в курсе, но почему-то забыл подыграть Щукиной. Или не счел нужным? А Юля покраснела, словно беременность Щукиной плавно перешла в ее собственную беременность и выступила округлым и женственным животиком... Но это уже были фантазии Шубина. Юля не принадлежала никому, а потому не могла забеременеть. Но она заревновала Крымова к похорошевшей и внезапно освободившейся от бремени Щукиной. К ее пышущему здоровьем гибкому телу, то и дело дающему повод обратить на себя внимание всем присутствующим рядом мужчинам. Надя источала желание, и это бросалось в глаза.

Юля в тот предновогодний вечер тоже была хороша в своем зеленом бархатном платье с большим вырезом, позволяющим увидеть и ее высокую тонкую шею, и

плечи, и сияющую белизной грудь. Волосы она подняла в высокую прическу, что сильно изменило ее. И Шубин, который две недели ПЛОТНО работал с ней рядом – они прочесывали на стареньких «Жигулях» всю окрестность Заводского района, тратя огромное количество бензина, которым не успевали заправляться, в поисках убежища убийцы семьи Храменковых – и который видел Юлю в основном в забрызганных грязью джинсах и куртке с капюшоном, теперь вместо испуганного создания с тонким лицом, одухотворенным страстью охотника, видел перед собой изящную молодую женщину в дорогом вечернем наряде и не верил, что это Юля. Она была и подростком и женщиной одновременно, и это невероятным образом возбуждало. Как часто в своих полуснах-полуфантазиях Игорь мечтал сжать ее в объятиях?! А как часто он не спал ночами, зная, что Юля сейчас находится в объятиях Крымова!

Шубин был невысоким крепким парнем с довольно грубыми чертами лица и ранней лысиной, обрамленной жесткими короткими светлыми волосами. Женщины рядом с ним терялись, не зная, как себя вести: то ли не замечать его внешней грубости, принимая его таким, каков он есть, то ли откровенно наслаждаться близостью этого редкого экземпляра. От него исходила мужская сила. Как говорила Щукина, «Игорек источает фермент похоти». Шубин являл собой образчик разительного контраста с Женей Крымовым – голубоглазым брюнетом, высоким, хорошо сложенным мужчиной, сила которого заключалась, в отличие от животного начала Шубина, в невероятном обаянии и мягкости, вальяжности и интеллигентности, внешней порочности и артистизме, которые, прекрасно гармонируя друг с другом, просто-таки завораживали женщин. Мужчина с внешностью Крымова мог быть и художником, и артистом, и хирургом, и писателем, и преступником – причем скорее убийцей, чем вором... И, конечно же, авантюристом-умницей, способным, даже лежа на диване, рождать золотоносные идеи, дающие ему относительную свободу и деньги, без которых он не смог бы уже прожить ни дня. Тесная связь крымковского сыскного (или детективного) агентства с сильными мира сего (в частности, он «кормил» не самых последних людей в угро, прокуратуре и вышестоящих организациях) являлась лишь подтверждением того, что облюбованная им социальная ниша и способ зарабатывать деньги – результат правильного выбора. И все это в комплексе не могло не восхищать женщин. Значит, и Юлю?

* * *

Шубин гнал машину по трассе, думая о ней и Крымове. Он не мог и не хотел сейчас думать о том, что ждало его в М., куда он так спешил. Да и зачем было

гадать, что произошло в этом маленьком волжском городке, когда телефонный разговор состоял всего из двух слов: «Приезжай немедленно». Это звонил его друг детства, Витька Ерохин. Если позвонил и позвал, значит, случилось что-то важное или страшное. И зачем что-нибудь предполагать, если (а Шубин знал это по опыту) даже самое ужасное предположение окажется по сравнению с действительностью ничтожным? Витька Ерохин – учитель физкультуры в одной из м-ских школ, да к тому же еще и холостой, если что-то и случилось, то, слава богу, не с ним и не с его близкими, которых у него попросту нет. А это уже хорошо. И то, что он звонил сам и разговаривал по телефону, свидетельствовало о том, что он хотя бы ЖИВ. И это немало.

Так думал Шубин, приближаясь к кружевному, в инее, мосту через речку, названия которой он уже и не помнил. А ведь где-то здесь, поблизости, они с Витькой рыбачили, когда Шубин приезжал к нему лет пять тому назад в отпуск.

Переехав мост, он снова забыл про Ерохина, и вновь мыслями его завладела Юля. Как быстро пролетели эти две недели, что они жили у Крымова дома, и как странно, что они были как будто все вместе, но в то же время поодиночке. Во всяком случае, спали все в разных комнатах. Это уж Шубин знал точно: Юля спала на втором этаже, Крымов – в комнате для гостей на первом, Щукина – рядом с Юлей, через стенку, а сам Шубин ночевал в гостиной на медвежьей шкуре, прямо на полу, рядом с телевизором, который практически не выключался. Мелькающие на экране фигурки и издаваемый телевизором шум, какие-то звуки, музыка – все это создавало некий фон и поддерживало его связь с внешним миром. Ему не спалось. Он ждал и надеялся, что глубокой ночью вдруг раздастся тихий шорох: это Юля, надев для конспирации толстые шерстяные носки, тихонько спустится по лестнице вниз, пересечет холл и войдет в гостиную, где увидит распластанного на огромной темной шкуре полуобнаженного Шубина, стук сердца которого заглушит ее собственное дыхание... На ней будет длинная ночная сорочка, белая, тонкая... Длинные светлые волосы заиграют разноцветными огнями – бликами от елочных гирлянд, и в глазах отразится вся гостиная и ошалевший от счастья Шубин...

Но ничего подобного не произошло. К нему не пришла даже озабоченная своим женским одиночеством Щукина. Похоже, красное вино, которое они пили бутылку за бутылкой, действовало на Надю как прекрасное и здоровое снотворное. Возможно, и Крымов крепко спал по той же причине. Что же касается Юли, то она всегда хорошо спала и никогда не жаловалась на отсутствие сна.

Дни шли за днями: Юля с Надей постоянно что-то готовили, потом все подолгу сидели за столом и трапезничали, после чего выходили на заснеженное крыльцо и принимались сначала вяло, а потом все азартнее и вольнее бороться на снегу. Как дети. Снежки? Это было слишком просто. Вот бороться, закапывая противника в снег, набивая ему за шиворот холодное липкое белое крошево, – это другое дело. Тем более что воображаемый противник (подчас не видно было из-за снега, залепившего глаза, с кем ты возишься в сугробе!) менялся каждую минуту... И природа, словно следя за их совершенно невинными играми, щедро подсыпала снегу. Особенно большие снегопады случались ночами. И тогда утром, выглянув в окно, добровольные затворники уже знали, чем будут заниматься после обеда.

Шубин заметил, что никто из них не осмеливался вольничать, хотя поводов, причин и условий для любовных игр и ласк было более чем достаточно. Что стоило, к примеру, Крымову завалить зазевавшуюся Юлечку Земцову на снег и поцеловать ее украдкой в губы? Да ничего! А сам Шубин? Разве не мог и он воспользоваться удобным моментом и крепко прижать к себе Юлю? А Щукина, которая обычно после выпитого вина едва себя сдерживает, чтобы не прикоснуться к Женьке, почему она-то сдерживала себя и не пыталась сорвать поцелуй с его губ? Все словно сговорились вести себя как паиньки, а точнее, как бесполое существа, или еще проще – как дети! Как невинные дети! Но почему? Шубин был уверен, что, окажись Юля в этом роскошном доме наедине с Крымовым, не устояла бы, позволила бы своему возлюбленному многое... Да и Щукина получила бы массу удовольствий, окажись она нос к носу с Женькой. А вот как бы повела себя Юля, если бы бог помог уединиться им – ей и Игорю?

Но ведь он мог воспользоваться когда угодно во время их работы ее усталостью или стрессом, чтобы овладеть ею, но почему-то не сделал этого. И она обыкновенная женщина, не святая, не отягощенная придуманной людьми моралью, запрещающей близость с мужчиной вне брака. Тем более что Юля в своей прошлой жизни уже была замужем.

И он вдруг понял, что был сам во всем виноват. Почему он ждал, лежа на шкуре, когда придет ОНА, если он мог прийти к ней САМ?!

– Идиот!

Он почти выкрикнул это слово и остановил машину. Он ненавидел себя.

Выкурив сигарету, Игорь снова тронулся с места. До М. оставалось каких-нибудь десять километров.

* * *

Она уже видела эту женщину сегодня утром. Такое лицо трудно забыть. И хотя в подъезде было темно, Жанна успела разглядеть многочисленные морщины этой еще молодой женщины, особенно две крупные, которые шли от уголков рта вниз, подчеркивая тем самым обиженное выражение лица и природную угрюмость и жесткость. Хотя, вполне вероятно, эту внешность незнакомка приобрела в процессе жизни.

Женщина была одета во все черное и курила, вжавшись в угол лестничной клетки, рядом с почтовыми ящиками, занимавшими почти половину стены. Она была окутана синим табачным облаком, и казалось, вся ее незамысловатая одежда – длинное узкое вытертое пальто, шерстяная вязаная шапочка-шлем, закрывавшая лоб и опущенная на брови, сбитые, заляпанные грязью ботинки со шнурками разного цвета (Жанна даже их успела рассмотреть, поскольку, достав из ящика письмо, уронила его) – была подобрана таким образом, чтобы, спрятавшись в темный угол, эта странная особа могла без труда превратиться в тень, в призрак...

И вот теперь этот призрак стоял совсем близко от нее и дышал на нее перегаром.

Она не должна была открывать ей дверь. Не должна. Но открыла. Потому что с минуту на минуту мог прийти Борис.

– Что вам угодно? – спросила Жанна, испытывая неприятное, до дрожи внутри живота, чувство тревоги и страха. Наверняка этой особе понадобились деньги, чтобы опохмелиться.

– Тебя зовут Жанна?

Услышав, как странно звучит ее имя в устах совершенно чужой ей женщины, Жанна вздрогнула, как если бы та дотронулась до нее своими желтыми, пропахшими табаком пальцами...

– Да, а что? Уберите ногу... – Она с ужасом наблюдала, как незнакомка, выставив вперед ногу в грязном ботинке, словно нарочно раздражая ее, покачивала носком, не давая возможности закрыть дверь.

– Фамилия Огинцева?

Но Жанна не успела ответить: дверь от сильного удара распахнулась, откинув ошалевшую от ужаса Жанну к стене. Стукнувшись головой о шкаф, она вскрикнула и упала на пол, подмяв под себя руку...

– Не ори. Вставай и покажи мне, где здесь у тебя туалет... И не вздумай звонить в милицию – бесполезно, провода я уже перерезала. Еще утром. Меня зовут Марина. Вернее, это ты будешь меня так звать. Да и то недолго. Если кто позвонит в дверь, не открывай – хуже будет.

Жанна поднялась и, потирая ушибленный локоть, до боли в глазах всматривалась в стоящую прямо перед ней Марину.

– Вы собираетесь меня ограбить? – спросила она, чувствуя, как предательски дрожат ее губы, а горло будто кто-то сильно сдавил, мешая дышать.

Но Марина, скинув на пол пальто, перешагнула через него и заперлась в туалете. Жанна слышала доносящуюся из-за двери возню, затем шум воды, льющейся в унитаз, затем вода полилась в ванну. Дверь открылась, Марина вышла. Только сейчас Жанна успела разглядеть, во что была одета ее ГОСТЬЯ: длинную черную юбку и черную вязаную кофту. Борис говорил как-то, что если на женщине вся одежда одного цвета, то она – шизофреничка. Значит, и Марина – больной человек. А может, она теперь уйдет?

Между тем Марина прошла на кухню, села на табурет и посмотрела на Жанну огромными зелеными глазами:

– Я вышла из тюрьмы в одиннадцать часов. Теперь – пять вечера. Итак – шесть часов полной свободы. Как тебе мой прикид? Меня собирали всей камерой.

Жанна онемела – она не могла произнести ни слова. Значит, Марина не больная, а просто зечка?! Какой ужас!

– Ты, наверно, гадаешь, зачем это я к тебе пришла? Думаешь, по своей воле? Нет, дорогуша. Если бы не ты, я бы еще два года и четыре месяца просидела на зоне. Но я обещала ЭТО сделать, и я сделаю. Мало того что меня отпустили пораньше, так еще и заплатят хорошо.

Жанна не понимала ни одного услышанного слова. Словно эта зечка говорила с ней на иностранном языке.

– Ты сядь, чего стоишь? В ногах правды нет, слыхала? Но, стало быть, водится за тобой что-то, раз о тебе так похлопотали...

– Кто? – спросила наконец совершенно сбитая с толку Жанна и опустилась на стул. – Кто обо мне похлопотал?

– Не знаю. Мне не докладывали. Но отпустили, чтобы я убила тебя. У меня и это есть... – с этими словами она достала из кармана своей необъятной юбки маленький блестящий пистолет.

– Убить? Что за бред... Что все это значит? Я отдам вам все свои деньги, золото, только уйдите... Оставьте меня в покое.

Она молила бога о том, чтобы поскорее пришел Борис. Но он опаздывал уже на целую вечность. Еще немного, и эта сумасшедшая убьет ее.

– Тебе страшно?

Жанна закрыла глаза ладонями, чтобы только не видеть приблизившееся к ней отвратительное лицо, точно географическая карта изрытое преждевременными морщинами времени и разложения. Именно разложения, потому что от лица, как и от всей Марины, исходил тошнотворный запах, замешанный на мерзких испарениях вчерашней выпивки, курева, грязного тела и одежды...

– Я дам тебе несколько дней, чтобы ты хорошенько вспомнила и подумала о том, что я тебе сказала. Поройся в своем прошлом и вспомни, что же такого ты натворила, что тебя за это надо убить. Подсказываю: возможно, ты знаешь что-то такое, чего тебе не положено знать. Это может быть одной из причин. Я буду навещать тебя, и ты должна знать, что от того, как ты будешь себя вести в свои

последние дни, будет зависеть то, КАК ТЫ УМРЕШЬ. Ведь получить пулю в сердце – проще всего, к тому же почти безболезненно. А вот болтаться на веревке, скажем, в туалете над унитазом – недостойная смерть, не так ли? Ножом тоже больно. Поэтому не советую тебе обращаться в милицию. Ты все равно обречена, и никакая милиция не спасет тебя от смерти. Тебе уже вынесен приговор. Если не я, то кто-то другой все равно найдет тебя. И от тебя здесь уже ничего не зависит. Я зайду завтра.

И она ушла. Словно ее и не было. И почти сразу же – минут через пять-десять, в течение которых она приходила в себя, – раздался звонок в дверь. Вернее, два звонка. Это пришел Борис.

* * *

Первый день работы в агентстве выдался тихим: ни одного звонка, ни одного визита.

Щукина, сидя за своим огромным столом, заваленным бумагами и коробками с остатками шоколадных конфет, задумчиво смотрела в окно на летящий снег и улыбалась собственным мыслям. Ее было не узнать. Внезапное исчезновение беременности заметно повлияло на нее, она стала совсем другим человеком. И хотя Юлю так и подмывало спросить Щукину о причине ее разрыва с Чайкиным, она все же сдерживала себя, гася разгоревшееся любопытство, а заодно и воспитывая волю. Захочет, все расскажет сама. Хотя кое-что Юля заметила без чьей-либо помощи. Во внешнем спокойствии и даже каком-то легкомыслии, которое Щукина выказывала всем своим видом, сквозила некоторая нервозность, которая если не бросалась в глаза, то уж во всяком случае ощущалась в несколько неестественной мимике и порывистых движениях Нади. И это воспринималось естественно – ведь что-то же произошло между нею и Чайкиным, раз она одна? Но что? Леша выпивал, как и все патологоанатомы. Но он был хорошим добрым парнем, к тому же влюбленным в свою Надечку. Кроме того, у них должен был родиться ребенок, а потому их скоропалительная свадьба была воспринята тоже вполне нормально. Разве мало браков заключается сначала в постели, а потом уж на небесах?!

– Знаешь, Земцова, так непривычно видеть тебя сидящей в кресле и листающей журнал... – словно очнувшись от своих мыслей, первой нарушила молчание Щукина и со стоном сладко потянулась, изгибаясь всем телом. – Ты хочешь меня

спросить, почему я рассталась с Чайкиным?

Юля отложила в сторону журнал и тихонько вздохнула: с каких это пор Щукина научилась читать чужие мысли?

– Надя, я вот уже пятнадцать дней гашу в себе дикое желание обо всем тебя расспросить, но ты настолько изменилась в последнее время, что мне иногда кажется, будто это не ты... Правда... Думаю, что люди расстаются, когда не могут жить вместе, когда начинают раздражать друг друга...

– Чушь собачья! В жизни не поверю, чтобы Крымов раздражал тебя. Вы напоминаете двух идиотов, у которых не хватает мозгов, чтобы договориться. Он же любит тебя, а ты – его. Крымов – классный мужик. Умный, красивый, богатый до непристойности... Я, честно говоря, до сих пор нахожусь под впечатлением от его дома. В жизни не жила в таком комфорте, каким он окружил нас... Уже то, что там тепло, многого стоит. У меня, например, в квартире ледник...

Щукина, как всегда, перевела разговор на Крымова. Юля не могла скрыть улыбки.

– Тебе весело? – в свою очередь усмехнулась Щукина. – Тебе доставляет удовольствие мучить его?

– Мне трудно это объяснить, но... у нас с Крымовым навряд ли что-то получилось бы. И уж кому-кому, а не тебе рассказывать про Крымова, про его привычки... И вообще, давай закроем эту тему.

В эту минуту зазвонил телефон, и Юля вздрогнула. Щукина, подняв трубку, некоторое время слушала, что ей говорили, после чего пожала плечами и передала трубку Юле:

– Тебя.

– Вы Земцова? – услышала она совсем близкий мужской голос и почему-то сразу поняла, что, начиная с этой минуты, ее спокойной жизни пришел конец.

– Да, я Земцова.

– Вам совершенно необязательно знать мое имя. Скажу лишь одно. Некая хорошо известная вам особа желает с вами встретиться. Но выйти из дома она не может, равно как и позвонить, а потому она попросила через меня сообщить, что ждет вас по адресу: улица Ломоносова, дом тридцать пять, квартира пятнадцать.

И гудки.

– Что, новое дело?

– Еще не знаю. Набери, пожалуйста, номер 25-13-64 и спроси Жанну Огинцеву.

Надя набрала, послушала, затем повторила набор еще пару раз.

– Занято или телефон не работает. Что-нибудь случилось?

– Меня попросили приехать к Жанне. Якобы она сама не может ни позвонить, ни, стало быть, приехать ко мне. Непонятно, что бы это могло означать. В любом случае запиши вот этот адрес. Если меня долго не будет, закажешь мне гражданскую панихиду...

– А почему гражданскую и почему панихиду? Не лучше ли заранее заказать оркестр?

– Тогда симфонический. Ты не знаешь, куда и на сколько уехал Шубин?

– Ты можешь мне, конечно, не поверить, но ему тоже точно так же позвонили и попросили приехать в М., к другу детства. Игорь обещал позвонить. Эта самая... как ее, Жанна Огинцева – тоже твоя подруга детства?

– Нет, просто знакомая. Точнее, она моя портниха, у которой я не была уже, наверное, с полгода.

– Может, просто заболела?

– Сейчас все и узнаю.

Юля заставила себя улыбнуться, чтобы Щукина не поняла, что она испугалась. Интересно, когда же ее нервная система настолько закалится, что она перестанет вздрагивать от каждого телефонного звонка, от каждого подобного сообщения? Ведь еще ничего не известно, а откуда же эта внутренняя дрожь? Хотя, может, она свойственна всем женщинам? Или даже мужчинам?

– Не дрейфь... – услышала она на пороге и разозлилась уже по-настоящему на Щукину. Остановилась, обернулась, собралась ей сказать что-то резкое, но передумала и махнула рукой. И перед тем как хлопнуть дверью, успела заметить какую-то растерянность в лице Нади, словно та, спохватившись, пожалела о своем ироничном «не дрейфь».

В машине Юля немного успокоилась и перенеслась мыслями к Жанне. Что такого могло произойти с этой тихой и незаметной женщиной? Почему она не в состоянии была позвонить ей в агентство, а попросила приехать через какого-то мужчину. Жанне было около двадцати пяти лет. Невысокая, стройная, с огромными карими глазами, которые смотрели на мир спокойно, отражая течение времени и словно не понимая, что все происходящее вокруг имеет какое-то отношение непосредственно к Жанне. Созерцательность ее истолковывалась многими женщинами, которые бывали в ее доме в качестве клиенток, неправильно – считалось, что Жанна слишком высокого мнения о себе. Но Юля чувствовала, что за внешней надменностью и невозмутимостью этой молодой и симпатичной портнихи скрывается тонкая, ранимая и чувствительная натура, которой свойственны доверчивость, неумение приспособливаться и даже рассеянность. Быть может, поэтому она сначала не могла воспринимать Жанну только как портниху, они подолгу беседовали за чашкой кофе вместо того, чтобы заниматься примеркой.

Выяснилось, что Жанна – филолог, учительница русского языка и литературы в школе – в свободное от основной работы время сначала шила только для своих знакомых, причем бесплатно, но позже, после смерти ее матери, когда возникла острая необходимость в деньгах (Жанна копила деньги на мраморный памятник), а в школе, где она работала, зарплату практически не платили, она и занялась шитьем всерьез.

Юля нашла ее по объявлению в газете и, оставшись довольной ее первой работой (Жанна сшила ей летнее платье из голубого шифона для отпуска),

заказала еще несколько вещей. Возможно, если бы не работа, которая отнимала почти все время, Юля успела бы подружиться с Жанной настолько, что отпала бы необходимость в постоянном «женском» общении со Щукиной. Дело в том, что в присутствии Жанны, находясь у нее дома, Юля отдыхала и чувствовала себя попавшей на тихий и спокойный остров, где можно расслабиться и почувствовать себя женщиной. Сидя в глубоком низком кресле с журналом мод на коленях и представляя себя в платье от Жана Пату, она хотя бы на эти пару часов забывала о кошмарах, свидетельницей которых ей приходилось бывать по роду деятельности. Как приятно было заехать к Жанне после встречи в морге с Лешей Чайкиным, руки которого по локоть вымазаны кровью очередного вскрытого трупа... Да, что и говорить – у Жанны ей было хорошо, в этом теплом и ярко освещенном множестве ламп мирке, заваленном пергаментными, шуршащими под ногами лекалами и цветными лоскутами, бобинами с нитками и подушечками с иглами... Приятно было слышать ее воркующий нежный голос и вдыхать аромат домашнего печенья, которое Жанна пекла настолько часто, насколько ей позволяло время. А примерки! Это приятное касание мягкой шерстяной ткани к коже или прохладного шелка, ласкающего тело... Раньше, когда знакомые женщины рассказывали Юле о том, что они получают удовольствие от примерок, это казалось ей чуть ли не извращением: подумать только – наслаждаться прикосновениями какой-то портнихи! Но теперь, столкнувшись с этим чисто женским времяпрепровождением, она поняла и оценила казавшиеся ей раньше патологическими чудесные физические ощущения, доставляемые ей Жанной. Здесь не было ничего сексуального, это было нечто совершенно другое, но не менее приятное и, уж конечно, – невинное...

Перед тем как подняться, Юля взглянула на окна Жанниной квартиры – только они из всего дома и светились в голубом сумраке зимнего дня. Жанна работает, и ей требуется много света, гораздо больше, чем всем остальным жильцам, экономящим в полдень на электричестве.

Шубин приучил ее держать пистолет всегда наготове, и это стало, слава богу, уже привычкой. Пусть Жанна портниха, что ж с того? Мало ли...

Юля вошла в подъезд, поднялась на один лестничный пролет и заглянула в почтовый ящик с цифрой 15. В нем лежал конверт. Достать его было невозможно, и она подумала о том, что нужно сообщить о нем Жанне.

Поднявшись на третий этаж, она остановилась напротив двери и потопталась немного на пороге перед тем, как позвонить. Она попыталась прислушаться к звукам, доносящимся из квартиры Жанны, – было тихо. Подозрительно тихо, потому что обычно оттуда доносился стрекот швейной машинки.

Она позвонила. Послышались шаги, затем какой-то шорох и даже бормотание, наконец дверь распахнулась, и Жанна, увидев на пороге Юлю, бросилась ей на шею:

– Господи, как хорошо, что ты пришла... Заходи скорее... – И уже шепотом, возле самого уха: – Знаешь, меня хотят убить...

Глава 2

– Слушай, Витя, я уже целый час пью водку и закусываю этим роскошным салом, а ты все молчишь...

Шубин опьянел от жары, от водки и розового, в мясных прожилках, тающего во рту сала. Не мог он не попробовать и густого и душистого грибного супа, и маленьких соленых огурчиков, которые Витька вылавливал пальцами из трехлитровой банки. Когда же на столе появилась стопка толстых и жирных, пересыпанных сахаром, блинов, Шубин понял, что жизнь его прожита зря, раз у него нет ни дома, ни жены, ни просто кого-то, кто бы так заботился о нем.

– Так ты женился? – пытал он своего друга, уписывая за обе щеки приторные, пышные, с привкусом свежих дрожжей, блины и запивая их вишневым киселем. – А где же ты прячешь свою хозяйку?

Но Витька продолжал упорно молчать. Он тоже пил, закусывал, но всем своим видом показывал, что самое главное, ради чего он и вызвал Шубина, – впереди.

Лицо у Витьки было напряженным, озабоченным. И видно было, как он старается угодить гостю, как суетится, ухаживая за ним и пытаясь словно бы задобрить.

– Или ты мне говоришь, куда спрятал ту, которая все это приготовила, или я... не знаю, что с тобой сделаю...

– Пойдем покурим... – вдруг предложил Витька и встал из-за стола. Высокий, на голову выше Шубина, Витька Ерохин утер рот рукавом клетчатой фланелевой рубашки и тяжело вздохнул: – Выйдем на крыльцо.

Рыжие спутанные вихры его заметались на ветру, в них стал быстро набиваться снег.

После ярко освещенной кухни и сеней воздух на дворе, куда они вышли, казался темно-синим. Пахло дымом. Под ногами скрипел снег, где-то поблизости, в соседних дворах лаяли собаки.

– Так ты женился или нет? – Шубин вздохнул полной грудью и закашлялся сладким, обжигающим морозным воздухом.

– Да что ты заладил: женился да женился. Один я, понятно? И уж не женюсь, видно.

– Не понял... – растерялся Шубин. – А кто же блины-то пек? Огурцы солил? Соседка, что ли?

– Да нет... Я сам. Сам все: и блины, и огурцы. У меня еще и борщ есть. Я все умею, мне никто не нужен.

Шубин даже протрезвел. Витька всегда любил женщин, и они любили его.

– Ну-ка ущипни меня...

– Думаешь, чего я тебя вызвал-то?

– Ну не бабу же ты попросишь меня искать?

– Я нашел уже, – сказал Витька дрогнувшим голосом и вздохнул, достал сигарету из кармана и закурил. – Потому и вызвал.

– Ничего не понял.

– Пойдем покажу...

Он легко сбежал с крыльца и быстрым шагом направился, пересекая заснеженный большой двор, в сторону сарая. Шубин едва поспевал за ним.

Вспыхнул свет – это Витька включил фонарь в сарае.

– Входи, – позвал он.

Шубин вошел в сарай, и первое, что ему бросилось в глаза, – аккуратные, свежеструганные полки, на которых стояли какие-то коробки, банки, бутылки... Идеальный порядок, как и должно быть у хорошего хозяина. Под ногами старенький, но чистый линолеум в крупную черную клетку.

– А что, сарай не отапливается? – спросил Шубин и хотел было уже пройти дальше, как Витька схватил его за рукав.

– Стой! Гляди...

Он наклонился и поднял с пола серую рогожу.

Шубин присел на корточки и, когда Витька отошел в сторону, чтобы не закрывать собой свет, увидел большой узел с тряпьем.

– В тот вечер на ней было точно такое же платье... красное, в белую крапинку. Там внутри и сумочка ее – красная, с застежкой. А еще ухо с сережкой. Это я дарил ей эти сережки. Они недорогие, с маленькими рубинчиками.

Витька развязал узел, и Игорь увидел, что это действительно женское платье, но только потерявшее форму и все в расплывшихся пятнах, напоминающих кровь. Рядом с красной сумочкой, смятой, словно этот узел долго лежал под прессом, а потом замерз на морозе. И ухо. Серое, с крохотной золотой или позолоченной сережкой и красным камешком.

– Что это? Откуда это у тебя? И чье платье? Сумка? Да не молчи ты!..

Шубин тотчас протрезвел. Его затошнило от выпитого и съеденного за столом. Зато теперь он знал, зачем его вызвал к себе Ерохин.

– Ее звали Наташа, фамилия Литвинец.

– Ты знал ее? Она что, пропала?

– А ты откуда знаешь?

– Да ниоткуда, – хмыкнул Игорь и поднялся, отряхивая колени. – Я что, похож на идиота?

– Я встречался с ней, а где-то в сентябре она пропала. Ее видели вот в этом платье...

– А откуда у тебя этот узел?

– Кто-то подкинул. Но ведь если найдут, то сразу же подумают обо мне! И меня во всем обвинят! А я ее не убивал... Веришь?

– Пойдем в дом, а то холодно... И возьми ЭТО с собой. Я посмотрю, подумаю, что делать дальше...

Вернулись в дом, выпили еще.

– В пятницу вышел из дома, а узел на крыльце лежит, снегом засыпанный. Ни следов, понятное дело, ничего такого... Кто-то принес, оставил, только, спрашивается, зачем? И где это платье лежало до сих пор? Я уж молчу про ухо...

– А может, это и не ее ухо?

– Может, на уши-то я особо не смотрел, сам понимаешь, меня другие части тела интересовали, но сережка та самая, из тех, которые я дарил...

Витька до полуночи рассказывал Шубину про Наташу. По его рассказу выходило, что было ей чуть больше двадцати, но опыта жизненного ей занимать не

приходилось: развитая девица была, не по годам, мужчин любила, веселая была, как выпьет – петь начинает... Витька года два с ней кружился, она ночевала у него, брала деньги, продукты, но никогда ничего не готовила, не убирала, все больше в постели время проводила, на гитаре играла и пела, любила поспать и вечно из-за этого опаздывала утром на работу. А работала Наташа Литвинец на почте – посылками да заказными письмами занималась.

– Послушай, а что бы тебе не избавиться от этого узла? – Шубин долго не мог понять, что от него хочет Витька, и, решив, что тот просто перепуган до смерти из-за того, что его могут принять за убийцу, предложил ему ЗАБЫТЬ обо всем, что случилось. О страшной находке.

– Да ты что? А если по этим вещам можно убийцу найти?

– Но тебе-то что? Если твою Наташу убили, то она все равно уже не воскреснет, а если жива – тогда тем более зачем тебе все эти волнения? Или ты собрался заказать расследование?

Шубин сказал это просто так, чтобы охладить Витьку, чтобы он, пораскинув мозгами, решил для себя, какую роль он собирается играть в этой истории, как вдруг услышал:

– А зачем я тебя вызвал, как ты думаешь? Конечно, чтобы найти убийцу! Ведь у нас в М. исчезли еще две девушки: одна в октябре, другая – в ноябре. Только следов не нашли нигде. И эти две, последние, в отличие от Наташи, из хороших семей, студентки... Как в воду канули.

– Послушай, Витя, ты мне друг, я понимаю, конечно, но ведь я же работаю не один, у меня контора... – Шубин не знал, как ему сказать, что расследование стоит денег. И немалых. Ведь Витька и понятия не имеет, сколько они со Щукиной платят экспертам, оперативникам, с которыми иногда приходится работать бок о бок, сколько денег идет на бензин, на аренду помещения... Да и Крымов, заподозрив, что у Шубина появилось собственное дело в М., молчать не станет...

– У меня есть доллары. Кроме того, тебя здесь ждут. Я же не один такой...

– Кто еще ждет?

– Родители этих студенток. Милиция уже сколько ищет – все безрезультатно. У нас в городе нет частного детективного агентства, вот я и подумал, что было бы неплохо объединиться...

– И что, ты пошел к родителям этих девушек и все рассказал про узел? – побледнел Шубин, боясь даже предположить, чем может закончиться эта история для Витьки. Ведь стоит в прокуратуре узнать, что в его сарае лежит это красное платье с отрезанным ухом, как его повяжут – и никому он уже ничего не сможет доказать! И никакие деньги не помогут!

– Да ты что... – перешел на шепот и без того перепуганный Ерохин. Он даже вспотел от волнения и, словно извиняясь, пожал плечами и налил себе еще водки в рюмку. – Извиняй, Игорек...

Выпил.

– Нет, просто я с отцом одной из девчонок на короткой ноге. Разговорились как-то, ну я и рассказал про тебя...

– Это было уже после того, как ты нашел на крыльце узел?

– Конечно, а с чего бы мне заговаривать с Романом... Роман – это и есть отец Тани Трубниковой, – пояснил он.

– Значит, вы решили меня нанять, чтобы я помог найти студенток, а заодно и предполагаемого убийцу твоей Наташи? Но с чего ты взял, что все эти случаи связаны между собой?

– Ни с чего. Это просто предположение. Но у тебя появились улики или... как это называется, то, что я нашел...

– Если вы хотите официально обратиться в наше агентство, то кому-то из вас необходимо поехать со мной в город и встретиться с Крымовым.

– Это твой начальник? Я понимаю. Что ж, поедem. Только ты ему ничего не рассказывай про узел. Достаточно того, что о нем знаешь ты. Мне ни к чему рисоваться, тем более что я здесь ни при чем. Просто тебе с этим материалом

будет легче работать: ну там экспертизы разные, отпечатки, пятна крови...

– Хорошо, Витя, я все понял. Если действительно все так серьезно, как ты говоришь, и если родители исчезнувших студенток не против, то можно с ними встретиться прямо завтра, утром.

– Я им так и сказал. – Витя снова тяжело вздохнул и закрыл лицо руками, словно умываясь невидимой водой. – Ну что ж, Игорек, утро вечера мудренее – давай укладываться спать. Ты как любишь спать: чтоб мягко было и жарко или жестко и холодно?

* * *

– Судя по твоему описанию, эта женщина действительно с зоны. А вот то, что ее отпустили раньше времени оттуда только лишь для того, чтобы она убила тебя, – в это что-то не верится... Хотя уверена, что будь это даже правдой, мы никогда не сможем это проверить...

– Как так? Почему? – Жанна смотрела на нее сквозь слезы, которые не успевала подбирать платочком: они катились по щекам и капали на скатерть или блюдце.

Вот уже полчаса Юля расспрашивала Жанну о зечке, но особых результатов этих расспросов пока не наблюдалось – слишком уж нереальной выглядела рассказанная портнихой история.

– Очень просто. Ее могли НЕ ОТПУСТИТЬ, а, оформив документ о ее смерти, выпустить на свободу за определенную услугу. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Конечно, но такое случается редко и лишь в тех случаях, если действительно есть причина, настоящая причина... Скажем, когда речь идет о политике или крупных суммах денег. Понимаю так же и то, что подобные вещи – я имею в виду заказные убийства – могут инициироваться и мафией, как ни пошло это звучит... Но какой прок убивать меня?

Юля поймала себя на том, что Жанна неплохо подготовилась к разговору и, несмотря на слезы, успела хорошенько обдумать создавшуюся ситуацию. То есть никакой истерики уже не было.

– К сожалению, очень часто бывает так, что ни в чем не повинные люди обречены на смерть по одной-единственной причине...

– Знаю: свидетели?

– Правильно. Вот поэтому тебе надо собраться с мыслями и попытаться вспомнить, чего такого, что тебе нельзя было увидеть, ты все же увидела, свидетельницей какого события – возможно, криминального характера – ты явилась.

– Но ничего похожего не было... Поверь мне! Самое страшное событие, которое произошло в моей жизни, – это смерть мамы.

– Ты извини меня, конечно, тебе болезненны эти воспоминания, поскольку прошел всего год, не так ли? Но все равно ответь мне: как умерла твоя мама? Она умерла естественной смертью?

Жанна промокнула веки платочком и высморкалась. Отпила немного остывшего чая и прокашлялась.

– Нет, не думаю... То есть с ней произошел несчастный случай. Она сильно порезалась и скончалась от потери крови.

– Как это произошло? Поподробнее можно?

– Да, конечно... Она мыла окна в комнате и нечаянно разбила стекло. Скорее всего она встала на табурет, который под ней сломался, и мама упала прямо на окно, выдавила стекло, и оно обрушилось на нее... Я же не видела, как все это случилось... Я нашла ее лежащей на полу в луже крови среди битого стекла... У нее были страшные порезы, и на лице, и на теле... Еще она при падении стукнулась головой об угол стола, но это уже мнение судмедэксперта...

– Вскрытие делалось?

– Да, конечно. Ведь мама была довольно молода и ничем не болела. Следовательно почему-то сразу предположил, что в квартире во время падения мамы был кто-то еще, он искал следы пальцев, обуви, целую неделю ходил сюда, все что-то

вынюхивал...

– Ты так странно говоришь об этом, словно тебя все это раздражало. Но почему? Разве тебе не хотелось, чтобы он выяснил все досконально?! Что это за пренебрежительное отношение к работникам прокуратуры? – полушутя-полусерьезно заметила Юля, в душе понимая Жанну, которой в тот момент было не до следователей. Смерть матери – что может быть трагичнее... – И что? Ничего не нашел?

– Ничего. Вернее, следы-то были, и множество... Ведь у мамы было свое дело, и в тот день у нее было несколько человек...

– А что у нее было за дело?

И здесь Жанна замолчала. Опустила голову. Юля, увидев такую странную реакцию на самый банальный вопрос, удивилась еще больше. Мало того что Жанну раздражал следователь, который пытался выяснить истинную причину смерти ее матери, так теперь еще она не хочет говорить, какое такое у нее было СВОЕ дело. В голову лезли самые невероятные предположения, вплоть до проституции. Хотя навряд ли это можно назвать делом, да еще так спокойно сообщить, что «в тот день у нее было несколько человек»...

– Мы жили тем, что давали деньги под проценты.

Юля вздохнула с облегчением. Ростовщичество – занятие не такое уж позорное, особенно если учесть, что Жанна росла без отца, то есть в доме не было мужчины, который содержал бы семью и заботился о жене и дочери.

– Поэтому-то следователь и предположил, что это не несчастный случай?

Жанна пожала плечами.

– Ты что-то скрываешь от меня...

– Да ничего я не скрываю, просто не такими уж крупными суммами мы располагали, чтобы маму за это могли убить. К тому же она брала совсем маленькие проценты...

– А у нее остались какие-нибудь записи, книги, куда она вносила имена должников?

– Были, наверно... Конечно, были, но они куда-то делись, вернее, старые-то все остались, а вот последняя исчезла. Думаю, что ее забрал тот самый следователь, который занимался этим делом. У меня-то в то время в голове стоял такой туман, что я мало что помню... Соседи приносили успокоительные лекарства, я очень много спала и плохо соображала. Вот только когда снова начала шить, постепенно пришла в себя, а так... – она махнула рукой и всхлипнула. – Но мы, по-моему, отклонились от темы. При чем здесь вообще мамина смерть?

– Мы же ничего не знаем, а потому можно только предполагать причину визита этой женщины. – Юля старалась говорить спокойно, терпеливо вынося все раздраженные выпады перепуганной насмерть Жанны: слуханное ли дело – является из тюрьмы какая-то зечка и сообщает, что ее отпустили на свободу лишь на условии, что она должна тебя убить?! – Тем более что сама ты так ничего и не вспомнила...

– Да что я могу такого вспомнить?! – вскрикнула, словно от боли, Жанна и заскулила, как раненое животное. – Я никого не убивала, не обижала, не оскорбляла, не унижала! Я же просто шью! Как ты думаешь, могут убить человека только за то, что он криво прострочил или вытачку поставил не на месте? Но ведь и этого не было! У меня отличные отношения с клиентками, и сумасшедших среди них нет...

– Я знаю, тебе неприятно, но давай вернемся к разговору о твоей маме. Кстати, как ее звали?

– Валентина.

– Если ты ничего не можешь вспомнить из того, что ТАКОГО могло бы произойти с тобой, то, быть может, есть смысл подумать над тем, не имеет ли визит этой самой Марины отношение к кругу знакомых Валентины? Пойми, у меня уже есть кое-какой опыт, и потому постарайся отнестись к моим предположениям спокойно, если это вообще возможно...

Юля чувствовала, что начинает уставать от этой казавшейся нескончаемой беседы.

– Я боюсь. Это единственное, что я сейчас чувствую... Что же касается маминого круга общения, то это в основном постоянные люди, ее приятельницы или знакомые знакомых... Дело в том, что мама была очень осторожным человеком и никогда не связывалась с незнакомыми ей людьми. Перед тем как ссудить кому-нибудь малознакомому денег, она требовала рекомендаций от тех, от кого приходили эти люди...

– А личная жизнь?

– Чья? – вспыхнула и покраснела Жанна. – Моя?

– И твоя, и мамина...

– Нет-нет, это исключено. Что касается меня, то человек, с которым я встречаюсь, надежный... И уж если бы он и был в чем-то замешан, то угрожали бы, соответственно, ему. При чем здесь я? А у мамы... Даже не знаю, как сказать. Словом, если у нее кто-то и был, то я этого мужчину не видела. Мама никогда и никого не приводила сюда...

– Неужели она тебе ничего не рассказывала? Ты же взрослая женщина, Жанна, ты не могла не замечать каких-то особенностей ее поведения... Женщина, отправляясь на свидание, подолгу собирается, приводит себя в порядок... Да и по телефону она наверняка с кем-то переговаривалась... Просто я вижу, что ты не расположена сейчас к такому разговору, поэтому давай поступим следующим образом. Я сейчас оставлю тебя одну, а ты сиди дома и никому не открывай. Глазок в двери есть? Есть. Вот как увидишь, что пришел твой парень, ему и откроешь. Не думаю, что эта Марина будет ломиться в дверь... Да, кстати, попроси своего знакомого отремонтировать телефонный провод, а если он этого не умеет делать, то пусть пригласит мастера...

– Что толку, если ОНА все равно его перережет... Она вернется, она просто дала мне немного времени, чтобы я поняла... Господи, что я такое говорю!

– Был бы Шубин в городе, он бы подсказал, как лучше поступить, он и сам бы схватил за шиворот эту тетку и вытряс бы из нее все...

– Она не тетка. Она молодая, но вся в морщинах, я же говорила. А вела она себя так, что я ей поверила, понимаешь? У нее такой тяжелый взгляд, такой неприятный голос... Юля, не уходи, побудь со мной.

– Вообще-то я могу оставить тебе сотовый телефон, и тогда она уж точно тебе не перережет провод... – Юля достала из кармана куртки телефон и отдала его Жанне. – Подожди-ка, я сначала перезвоню Щукиной... – Она набрала номер агентства, Надя взяла трубку. – Это я.

– Ты жива? – хохотнула Надя, находясь, судя по всему, в прекрасном расположении духа. – Рада тебя слышать. Как дела у твоей портнихи?

– Довольно странное дело. Шубин не звонил?

– Звонил и даже оставил телефон. Ты можешь ему позвонить, только не по сотовому, конечно. Он в М. и какое-то время там еще пробудет. У нас появились первые в этом году клиенты. Сразу три. Я уж не стану тебе рассказывать по телефону, приезжай, все узнаешь... Короче, работы невпроворот. Разбирайся поскорее со своей портнихой и возвращайся...

Щукина вела себя невыносимо, раздавала приказания, словно она была Крымовым. Юля почувствовала, что у нее запылали щеки. От злости. От непонимания того, что вообще происходит с Надей, и откуда у Щукиной это настойчивое желание вывести ее, Юлю Земцову, из равновесия? Неужели во всем виноват Крымов, точнее, те отношения Юли с Крымовым, свидетельницей которых почти две недели была Надя? Это ревность?

– Достань из сейфа новый телефон и сделай к моему возвращению так, чтобы он заработал. Ты знаешь, кому позвонить, что сказать и сколько это стоит...

– Не поняла... Зачем тебе это? Решила сделать рождественский подарок своей портнихе?

– Вот именно. Это очень важно, поэтому не ерничай, а делай так, как тебе говорят... Свой телефон я действительно оставляю здесь, у Жанны. Я буду в агентстве примерно через час.

Она положила трубку и некоторое время сидела неподвижно, глядя на падающий за окном снег и думая о том, что, наверное, так никогда и не научится ставить зарвавшихся людей на место. А ведь Щукина зарвалась. Она потеряла всякий стыд и совесть, раз позволяет себе так разговаривать с Юлей.

Очнувшись от своих невеселых мыслей, она, ободряюще улыбнувшись притихшей Жанне, позвонила Крымову.

– Привет, это я.

Она тотчас представила себе спальню Крымова и его самого, валяющегося на кровати с блокнотом в руках – он занялся прозой. Смешно. Она не могла воспринимать это всерьез. Впрочем, как и Шубин с Надей.

– Здравствуй, солнышко... – услышала она масляный голос Крымова и почувствовала, как приятная волна прошла по всему телу, словно Крымов на мгновение переместился сюда, в Жаннину квартиру, специально для того, чтобы обнять Юлю. – Как дела? Ты собралась в М.?

– А что, в этом есть необходимость?

– Так ведь появились первые клиенты! Тебе Щукина ничего не сказала?

– Она сказала, что это не телефонный разговор. Я звоню тебе по другому делу...

– Как, еще клиенты? – Крымов явно оживился. Ему, бездельнику, дела и деньги падали прямо с неба.

– Думаю, что да, но не уверена. Хотела посоветоваться с тобой, но думаю, что мой визит ты можешь истолковать не так, как бы мне этого хотелось. Это тоже, кстати, не телефонный разговор. Ну так как, ты примешь меня или приедешь в агентство сам?

– Приеду сам, но для начала мне бы хотелось пообедать с тобой где-нибудь... Давай встретимся минут через сорок – раньше-то я не доеду, снега видишь сколько намело! – возле «Тройки». Идет?

– Идет.

Юля вернула телефон Жанне:

– Ты поняла, как им пользоваться?

– Конечно... Спасибо тебе большое.

– Так что звони – телефоны мои все знаешь?

– Нет, только тот, что в агентстве...

– Кстати, а почему ты сама не позвонила мне, а попросила своего знакомого?

– Бориса? Да я вообще теперь не выхожу из квартиры. Боюсь. Мне кажется, что она стоит где-то рядом, на лестнице или в лифте...

– А она тебе, случаем, не приснилась?

Жанна горько усмехнулась. И в эту минуту в дверь позвонили. Обе женщины вздрогнули, как по команде.

– А ты-то чего дрожишь? – Жанна натянуто улыбнулась, слегка ущипнув Юлю. – Тоже боишься? То-то и оно.

– А что, заметно?

– Конечно. Но это Борис. Я чувствую.

Подойдя к двери, она заглянула в глазок.

– Я же говорю... – Она открыла дверь, и на пороге показался высокий мужчина в заснеженной шапке и длинном пальто с меховым воротником. Из-за снега Юля не разобрала, какой мех, хотя как женщине ей было любопытно рассмотреть, во что именно одет приятель Жанны. – Да ты же весь в снегу... Ну-ка выйди в подъезд и отряхнись как следует...

Юля обратила внимание на то, каким взглядом Борис посмотрел на нее, – это был «крымовский» взгляд. Так смотрят мужчины, которые в каждой женщине видят потенциальную любовницу. Но это было неудивительно, ведь Борис был красив необыкновенно. Особенно это бросилось в глаза после того, как он, отряхнувшись в подъезде, вернулся уже без шапки и пальто (все это он держал в руках), и Юля получила возможность увидеть его густые русые вьющиеся волосы, аккуратно подстриженные и словно только что уложенные в парикмахерской, прямо-таки иконописное лицо – слегка вытянутое, с прямым носом, большими карими глазами и выпуклыми светло-розовыми губами, и ухоженную, посеребренную ранней сединой бородку, придающую его облику какую-то завершенность и солидность. Хотя Борис был довольно молод. Ему от силы было двадцать с небольшим.

– Знакомьтесь, это Юлия Земцова, а это – Борис. Боря, это та самая Юля, которая работает вместе с Крымовым, я тебе говорила... Она оставила мне на время свой сотовый телефон, так что теперь мы сможем, если это понадобится, вызвать милицию или же позвонить ей в агентство...

– Очень приятно, – Борис почтительно склонился перед Юлей, как если бы он был на светском рауте, и, поймав ее руку, поцеловал ее. – Кто бы мог подумать, что такая хрупкая девушка занимается такими страшными делами... Я много слышал о крымовском агентстве от своих знакомых. Надеюсь, вы поможете нам избавиться от этой ненормальной, которая вывела из себя Жанночку... Взгляните, на ней же лица нет... Я ей говорю, что эта зечка скорее всего наркоманка, что она несла всю эту чушь про убийство просто так, чтобы запугать или попросту выманить у нее деньги...

– Но она не просила у меня деньги... Она сказала, что ей заплатят за то, что она убьет меня.

– Все это ерунда, и не надо так реагировать на эту сумасшедшую. Возможно, она действительно вышла с зоны, но скорее всего ты видела перед собой просто алкоголичку... Вспомни, может, ты узнала ее?

– В смысле? – не поняла Жанна и посмотрела на Юлю так, словно бы искала у нее поддержки. – Ты понимаешь, о чем он говорит?

– Жанночка, вполне возможно, что она твоя одноклассница или однокурсница, которую ты не узнала... Иначе откуда бы ей знать, как тебя зовут? – продолжал Борис.

– Вот именно. Это и настораживает, – подала голос Юля. – Но я постараюсь помочь. Сегодня же я буду знать, кого из женщин в последние пару дней выпустили из городской тюрьмы, и, если окажется, что особы с приметами Марины нет, я постараюсь собрать информацию по тюрьмам области. В любом случае тебе, Жанна, надо успокоиться и взять себя в руки. Может, Борис и прав. А теперь вы меня извините, мне пора. Будем перезваниваться. Мне почему-то кажется, что она больше не появится...

– Она обещала прийти сегодня...

– Если придет, то сразу же звони. Ну все, пока... – Юля поцеловала Жанну, улыбнулась Борису и ушла, унося в сердце смутную тревогу.

Кроме того, спускаясь по лестнице вниз, забыв напрочь о существовании лифта, она поймала себя на том, что и сама боится встретить где-нибудь на площадке женщину в черном. Зечку.

Поравнявшись с почтовыми ящиками, она вспомнила про письмо, которое видела в ящике, когда поднималась к Жанне, но, заглянув в него, обнаружила, что он пуст. «Странно, может, показалось?»

* * *

– Как вы можете есть такую дрянь? – Он подсел за столик к девушке в кроличьей шубке и улыбнулся ей, как старой знакомой. – Это же автостанция, вокзал, попросту говоря, разве можно вообще прикасаться к чему-то здесь, где так много бомжей, больных, проституток... А вы едите курицу руками...

Девушка покраснела и уронила неожиданно для себя куриную ножку в пластиковую тарелочку.

– А вам-то что? И где еще я поем?

– У вас что, нет дома?

– Почему же нет, есть, конечно, но я туда сегодня уже не попаду. Вы разве не знаете, что все рейсовые автобусы отменили из-за снегопада? Придется теперь здесь ночь куковать. Или вы думаете, что мне действительно доставляет удовольствие эта еда? Да я и сама знаю, что это гадость... У нас в общежитии и то лучше готовят, я имею в виду в буфете...

– Так вы живете здесь в общежитии?

– Я здесь учусь в пединституте. Квартиру снимать больно уж дорого, так мы с подружкой доплачиваем коменданту общежития, чтобы к нам никого не подсеяли, короче – живем вдвоем.

– А почему вы не едете в общежитие, а собираетесь провести ночь на вокзале?

– Станный вы какой-то... Снегопад, понимаете? Завтра первый рейс будет в шесть утра, я просто не доберусь сюда утром из-за снега... Уж лучше здесь как-нибудь прокантуюсь, лишь бы на автобус успеть. У меня и билет есть. Все? Вопросов больше нет?

Но он уже почувствовал, что зацепил ее, дурочку молоденькую, что теперь она никуда от него не денется. Вон как смотрит своими голубыми глазищами! Да ей до смерти хочется говорить с ним, просто находиться рядом... Интересно, у нее уже есть парень, с которым она спит, или же она бережет себя для какого-нибудь деревенского мужика, за которого собирается отдать замуж ее отец? Ведь она откуда-то из района, из деревни, пожалуй... Только там рождаются такие вот крепкие и здоровые дурехи с румяными щеками и большой грудью. Вот только шубка больно дешевая, стало быть, у родителей не так уж много денег, чтоб содержать дочку в городе, да еще и одевать хорошо.

– А вы тоже куда-то едете?

– Да, в Москву. Но только через неделю. У меня там дела.

– А на вокзале что делаете?

– Да здесь поблизости есть отличный книжный магазин, я книги заказываю, мне и привозят...

Он говорил, не задумываясь, понимая, что она все равно ничего, кроме фразы «книжный магазин», не воспримет. Он ей наверняка представится городским интеллигентом, забредшим на вокзал случайно и случайно же повстречавшим в кафе ее – несмышлениша в кроличьей шубке. Разве может она знать, что он целый день прождал здесь в поисках этого лица, этого СВЕЖЕГО И РУМЯНОГО лица, этой запрятанной под шубку и вязаные кофты девичьей плоти, которую он себе уже успел представить и от этой фантазии возбудиться? Нет, она еще ничего не знает. Она ждет, когда он пригласит ее куда-нибудь в более приличное заведение. В ресторан или хотя бы частное кафе, где подают курицу не на пластиковых тарелках, а в дорогой посуде и где вместо лимонного дешевого напитка она попробует настоящий армянский коньяк.

– Тебя как звать-то? – он перешел на «ты», чтобы сближение шло быстрее, чтобы дать ей возможность привыкнуть к этому обращению, а заодно и к той легкости в разговоре, при которой исчезает недоверие.

– Лена. Елена, – теперь уже и она улыбнулась. Ей нравится, что к ней обращается взрослый мужчина. Это ведь означает, что она внешне привлекательна, что ему интересно разговаривать с ней и, быть может, у него постепенно появится к ней чувство! И как будет приятно, если он влюбится в нее, если он увидит в ней не просто деревенскую девчонку, за взятку поступившую в пединститут, а взрослую женщину, с которой можно будет в дальнейшем связать свою жизнь! – А вас как?

– Сергей. – Он знал, что всем женщинам нравится это нейтральное и вместе с тем какое-то мужественное имя. Именно «Сергей», а не «Сережа».

– И сколько же вам лет, Сергей?

– Ты, наверно, хочешь узнать, женат я или нет? Признавайся?

– Да нет... – Она снова покраснела и расстегнула верхнюю пуговицу шубки – ей стало жарко от собственных мыслей и фантазий. – Нет, с чего вы взяли?

– Да я пошутил. А если серьезно, то я разведенный. И в Москву мне как раз нужно по делам, связанным с разводом. Вот я тебе все и рассказал. Как на духу.

– Так уж и на духу... – Лена отодвинула от себя тарелочку с недоеденной курицей и сделала несколько глотков ядовито-желтого напитка. Поморщилась.

– Я же говорю – гадость. Я бы мог тебе показать одно место, где хорошо кормят, но ты же не согласишься поехать со мной... Вы же, девчонки, в каждом мужчине видите сексуального маньяка, я даже статью где-то про это читал. Вот поэтому у нас так мало браков...

Он знал, что слово «брак» действует на женскую психику как бокал шампанского. Вот и Лена подняла голову и посмотрела на него искоса, словно проверяя себя, не ослышалась ли она, и неужели действительно этот мужчина заговорил с ней о браке? А что, если он одинок, если его бросила жена и укатила с другим мужчиной в Москву и теперь треплет ему нервы телефонными звонками или письмами, настаивая на разводе? А ему сейчас так не хватает женской ласки и любви?

Еще он знал, что она разглядывает его одежду, прикидывая про себя, сколько может стоить его куртка и шапка, его английские башмаки на меху и кашемировые брюки. Все деревенские такие, практичные...

И тут вдруг он почувствовал легкое томление, приятное до боли внизу живота... Он испытывал страшное и неотвратимое стремление к этой распаренной деревенской девке, желание, которое затуманивало мысли и действовало уже только физически, неумолимо... Он уже видел, как она извивается на кровати, изгибаясь всем своим пышным телом с покачивающимися, как молочный студень, округлыми грудями и маленьким влажным животиком... От страха они почему-то потеют и начинают издавать терпкий, характерный запах...

– И далеко это место?

– Какое? – Он вернулся из плена мечты на вокзал, за столик кафе, и потрянул головой, сбрасывая с себя приятное оцепенение.

– Ну... где хорошо кормят.

– А... Да нет, надо сесть на троллейбус и проехать всего пять остановок. Но я могу подвезти тебя и на такси, не разорюсь.

– Вы такой щедрый?

Все. Пошли-поехали разговорчики о щедрости, о денежках. Ей необходимо знать, не блефует ли он, есть ли у него постоянный заработок и что он может себе позволить в плане подарков.

– У меня только доллары, поэтому лучше всего прокатиться на троллейбусе, да и тебе не так страшно... – Это был самый идеальный способ успокоить того маленького зверька, который еще живет в ней и зовется страхом. И доллары есть, и не надо рисковать, садясь в чужую машину или такси.

– Ладно, уговорили. Тем более что после ваших слов я уже не могу спокойно смотреть на эту курицу... Но только я предупреждаю сразу – у меня денег нет. Последние отдала за билет. Поэтому если вы думаете, что я, как американская женщина, буду платить сама за себя, то здорово ошибаетесь. Я русская девушка, а значит – безденежная. Это ничего, что я так откровенна с вами?

Она не покраснела, говоря эти слова, и он понял, что она ведет такие разговоры не первый раз, что она уже научилась разговаривать с мужчинами, и что она вообще – женщина, и что у нее было уже несколько партнеров, которые наверняка давали ей деньги... И у нее есть, конечно, деньги, но она их копит, вполне вероятно, на новую шубку или золотой перстенок... Но он уже очень скоро узнает об этом.

– Ну что, поедем?

– Поедем. Тем более что вы – не сексуальный маньяк.

– Надеюсь, тебя это не очень огорчило?

Она пожала плечами и состроила уморительную гримаску. Она КОКЕТНИЧАЛА! Блеск!

Глава 3

– Крымов, ты опоздал на целых пять часов, – встретила его Юля в агентстве, даже не взглянув на него, словно обращалась к стене.

Щукиной не было – она уехала улаживать дело, связанное с новым сотовым телефоном, и обещала прибыть с минуты на минуту, вот почему Юля могла так свободно разговаривать с Крымовым.

– Извини, зайчонок, но я едва откопался...

Крымов отряхивался прямо в приемной, как шесть часов назад то же самое проделывал на лестничной площадке Жанниного дома красавец Борис. Но если тот был русоволосым, славянского типа мужчиной, то Крымов был брюнетом, породистым, с голубыми глазами, которые в последнее время все чаще стали приобретать какой-то странный зеленоватый оттенок.

– То есть?

– Еле-еле откопал ворота гаража, затем пришлось прокладывать себе дорогу от гаража до ворот, ну и так далее и тому подобное... Короче, я запер свой дом – до конца снегопада поживу в городской квартире. Я туда уже и Зосю командировал.

– Кто такая Зося? – Юля наконец подняла голос и теперь уже посмотрела на Крымова в упор. Зося! Этого еще не хватало, чтобы он так вот спокойно при ней говорил о своей очередной пассивности!

– Успокойся, мышонок!

– Да прекратишь ты называть меня зайцем или мышью?! Ты сам-то кто?

– Тсс... – Крымов приложил палец к губам. – Тсс... Успокойся.

Подошел к Юле и, запрокинув ей голову, поцеловал долгим поцелуем в губы.

– Вот так-то лучше будет. – Он отпустил ее и шумно выдохнул, словно поцелуй забрал последний воздух из его легких. – Я опоздал, конечно, я свинья, но я ласковая свинья... и к тому же – породистая. То бишь умная. А Зося – это моя домработница. Ей за пятьдесят.

– Лет или месяцев?

– Веков. Это моя хорошая знакомая, она работает в одной семье уже лет пятнадцать. Это я к тому, что ей можно доверять. Ты же знаешь, что я не умею убираться, что я эти две недели, что принимал вас у себя, чуть не поседел от одного только вида грязной посуды и пылесоса...

– Ну ты, Крымов, точно свинья: разве не мы со Щукиной мыли посуду и пылесосили?

– Вы, ну и что с того? Я все равно чуть не поседел... Все, успокойся... А то я еще раз тебя поцелую...

– У нас появились новые дела, мы с Надей уже всю работу делаем, а ты у себя за городом сочиняешь дурацкие записки... Мне нужна твоя помощь.

– Я весь внимание.

Юля рассказала ему про Жанну.

– Что ей нужно и сколько она собирается нам заплатить... Правда, я так и не понял, за что?

– Думаю, мы должны выяснить, кто эта Марина и что ее связывает с Жанной. Что касается денег, то они у нее есть, но ты не собираешься ограбить мою портниху?

– Передай ей, что она может расплатиться со мной натурой, тем более что я совсем одичал... И вообще, Юлечка, если бы ты только знала, как я одинок... – Крымов явно начинал дурачиться...

– Ты не исправим. Я подключила к делу Корнилова – он поручил своим людям узнать о женщинах-заключенных, которые после Нового года вышли из

тюрьмы...

– Думаю, что их отпускали ПЕРЕД Новым годом, – заметил уже вполне серьезно Крымов. – Да и то навряд ли...

– Почему это?

– Да потому, что месяц тому назад была амнистия. Вот отсюда и надо бы плясать. Как Корнилов-то?

– Ничего, держится...

Виктор Львович весной схоронил жену. Все думали, что он уйдет из прокуратуры, поговаривали даже о том, что он переедет к сестре в Петербург, но Корнилов остался и после недели отпуска снова вернулся на работу.

– А я стараюсь лишний раз не видеться с ним... Не могу... – Крымов вздохнул, но потом, переключившись на Жанну, спросил: – Она не звонила?

– Нет. Но я сама позвонила ей, чтобы убедиться, что телефон работает и что в случае необходимости она сможет дозвониться до меня...

– Слушай, а ты не могла бы сейчас раздеться?

– Ненавижу! – Папка с документами полетела Крымову в голову.

– Поехали в «Тройку», я же умираю с голоду! У меня все мысли только о еде, а ты мне про каких-то зечек ненормальных рассказываешь. Все это чепуха – поверь мне. Никто к твоей портнихе больше не придет. Можешь ей так и передать. И пусть она спокойно шьет себе дальше. Уверен, что она-то уже пообедала, в отличие от тебя, ретивой работницы. Бросай все к чертовой бабушке, и поехали поужинаем. А то сейчас еще Щукина приедет, напросится, чтобы я и ее пригласил.

Это был веский аргумент. Кроме того, Юля за весь день съела лишь бутерброд с сыром.

– А в твоей «Тройке» уху готовят?

– Там готовят все, что я скажу. Они любят меня там до смерти, ведь я помог им разыскать поставщика куропаток, который нагрел их на стоимость «Мерседеса».

– Это он, что ли, заливал их водой и замораживал, как в «Океане» кальмаров?

В машине она рассказала ему про свой телефонный разговор с Шубиным, который обещал на следующее утро привезти в агентство родителей пропавших без вести девушек.

– Пусть везет. Только сдается мне, что эти девушки всплывут весной... в какой-нибудь речушке или лиса раскопает могилки... Я, честно говоря, уже устал от этих маньяков. Телевизор включишь – маньяки, книжку в руки возьмешь – тоже маньяки...

– ...книжку начнешь писать – и снова про маньяков?!

– А ты откуда знаешь?

– Я видела у тебя на письменном столе книжицу о некрофилах и серийных сексуальных убийцах.

– Правильно. Хвалю за наблюдательность. Только тебе повезло, что ты не успела хотя бы пять минут подержать в руках эти книжечки. Боюсь, что у тебя сразу же отпала бы охота заниматься чревоугодием... Нет, правда, оказывается, я не знал и сотой доли про некрофилов. Ведь принято считать, что некрофилы – это извращенцы, вступающие в половой контакт с трупами, а на самом деле это далеко не так. Некрофилы – это люди, которые убивают ради того, чтобы убивать... Сначала меня раздражала манера автора объяснять поступки, мне постоянно казалось, что он пытается оправдать этих убийц, но потом я понял, что это более глубокое исследование... Словом, для того, чтобы уметь искать этих некрофилов среди обычных людей, надо сперва научиться их ПОНИМАТЬ. Именно понимать, а не оправдывать...

– Послушай, Крымов, если ты таким образом хочешь на мне сэкономить, то, может, ты сразу же и отвезешь меня домой?

– В смысле? Что ты хочешь этим сказать?

– А как ты думаешь, мне захочется ужинать после научной лекции про некрофилов?

Крымов извинился:

– Ты прости меня, зайчонок, но все это чертовски интересно... Мы потолкуем с тобой об этом после ужина, хорошо? Тем более что мы уже приехали.

Он остановил машину, вышел из нее, обошел кругом и открыл дверцу со стороны Юли:

– Прошу вас, госпожа Земцова... – Он поймал ее взгляд, обращенный в сторону удаляющейся от дверей ресторана «Тройка» парочки: высокого мужчины в светлой куртке с капюшоном и темных брюках и девушки в черно-белой шубке и красной шапочке. – И кого это мы там увидели, что шейку чуть не свернули?

Юля замотала головой, словно отгоняя наваждение:

– Да нет, это я так, под впечатлением... Мне показалось... – И уже полностью обращаясь только к Жене: – Значит, так, господин Крымов, ежели начнете при мне за столом про некрофилов рассказывать, я прямо тарелкой в...

– ...харю? – расхохотался Крымов, увлекая Юлю за собой. – Хватит болтать, и не делай таких страшных глаз... ну груб я, груб, что ж с того? Некоторым женщинам это даже нравится...

И он легонько подтолкнул ее к запорошенному снегом крыльцу.

* * *

Когда она разделась и легла, он убедился в своей правоте: эта деревенская, кровь с молоком, девушка оказалась весьма сговорчивой, и уже после трех рюмок коньяку согласилась поехать к нему на квартиру. Он подошел к кровати и посмотрел на гостью, сравнивая то, что он представлял себе, когда она была

еще в одежде, с тем, что он сейчас видел. Да, все было роскошно и по-животному гармонично, ладно, аппетитно. Но вот только не возбуждало, как там, на вокзале. Вот если бы она легла так бесстыдно прямо на посыпанном опилками, загаженном и заплеванном полу, среди чемоданов и баулов, тогда другое дело, может, он и возбудился бы. Но теперь, когда эта груда теплого мяса, от которого исходил аромат мыла и дешевых духов, лежала перед ним, как на подносе, он готов был зарычать от бессилия... Почему? Почему он не может взять ее, набросившись на ее тело, как дикий зверь? Где отыскать силы, чтобы забиться на ней в предчувствии сладкой агонии, где?

– Ну что же вы, Сережа? – Она прикрыла глаза. Эта кудрявая и раскормленная шлюха ожидала от жизни – в лице этого крепкого на вид и сильного самца – новых наслаждений.

И вдруг, увидев, что представляет собой ее партнер в сексуальном смысле, тихонько и дробно, как заведенная кукла, мелко засмеялась. Хохотнула. Затем еще громче, и через минуту уже хохотала, трясясь всем своим дородным и белым телом, от чего дрожали мелкой дрожью все нежные складочки на ее животе и колыхались ослепительные, с бледными большими и размытыми сосками, груди. А влажный рот, который он собирался осквернить прямо в ресторане, в курительной комнате, когда там никого еще не было, теперь не вызывал в нем ничего, кроме отвращения...

Перешагнув через упавшие с него расстегнутые брюки, он медленно стянул с себя свитер, белье и, оставшись совсем голым, вдруг кинулся на хохочущую перед ним молодую женщину и задушил ее. На это ушло не больше нескольких десятков секунд. Асфиксия. Быстро и чисто.

И вот теперь, когда она прекратила свой дикий хохот и превратилась из сильной и нахальной девки в безвольную тряпичную куклу с вытаращенными глазами, у него внизу живота возникла жизнь.словно кто-то невидимый взял его за воспаленную, набухшую плоть и потянул за собой на постель, на эту женщину, вернее, на то, что от нее осталось...

Но она была еще теплая, почти горячая, а губы ее пахли коньяком. Подмышки источали кисловато-хлебный запах пота.

– Сейчас тебе будет хорошо... Отверни головку, вот так...

Он вошел в нее, и животный инстинкт задвигал его телом, неистово жаждущим власти над этой остывающей плотью.

Иногда он оборачивался к висящему на стене зеркалу, чтобы увидеть себя в движении, и появившаяся перед ним эротическая картинка восхищала его своей достоверностью. А ведь это был не он, это был другой мужчина, который так же, как он, жил в этой квартире и смотрел на него из зеркала. Они были очень похожи внешне, но сильно отличались характерами. Один довольствовался жизнью, которую вели подобные ему существа, живущие через стенку, в соседнем доме, на соседних улицах этого города, равно как и в сотнях других городов, а другому выпала высокая миссия решать чьи-то судьбы, отправляя женщин в черный тоннель, зовущийся у простых смертных СМЕРТЬЮ. Ведь на то они и были смертными, чтобы умирать. Но КОГДА им отправляться к своим умершим предкам – знал только один человек во всем городе. У него не было постоянного имени и постоянного места жительства. Он менял и первое, и второе, в зависимости от степени опасности, нависшей над ним и связанной с его миссией.

И когда другой, глядя на него, комфортно расположившегося в зеркале, говорил ему в глаза, что его действия – никакая не высокая миссия, а кровавая дань ненависти к женщинам, которые насмеются над его мужской немощью, то первый, оскорбляясь, уходил в тень, не считая нужным отстаивать свое мнение. И тогда наступал перерыв для его жертвоприношений. Ведь нелегко, находясь в одной квартире с не понимающим тебя существом, поддерживать в себе силы и дух для дальнейшего исполнения миссии.

Хотя впоследствии они мирились и вместе, понимая всю ответственность и серьезность дела, закапывали трупы, уничтожали вещи жертв. Причем в особых случаях, когда была возможность, отвозили либо отрезанные части тела, либо что-то из одежды погибших женщин куда-нибудь подальше от города, чаще всего в те районные центры и поселки, откуда те были родом. Так было спокойнее и надежнее.

Вот только откуда родом была Лена?

Сергей (сегодня он был Сергеем) открыл сумку Лены и без труда нашел в ней паспорт, в котором черным по белому было выведено: «пос. Липовка М-ского района...» В паспорте были и деньги, как он и предполагал. Полторы тысячи рублей. Что же касается остального содержимого сумки, то это было в основном

грязное белье, которое дочка везла домой, чтобы его постирала мама.

Ночью, когда Сергей спал, ему вдруг показалось, что его позвали. Это был голос Лены. И доносился он с дивана, на котором она лежала.

– Ты спишь? – спросила она, откидывая одеяло, которым была укрыта, и вставая с дивана. – Сережа, ты спишь?

Она подошла к нему и присела рядом:

– Подвинься, я лягу. Мне холодно. Согрей меня, пожалуйста... А коньячку у тебя найдетса, а то ноги совсем замерзли?..

* * *

Дома ее не было, в агентстве – тоже. Значит, зря он спешил, зря гнал машину по ночному шоссе... Где она, с кем? С Крымовым?

Шубин поехал к нему. И не ошибся: в окнах крымовской городской квартиры горел свет. Было около часа ночи.

Поднялся, позвонил. И не удивился, когда понял, что ему не хотят открывать. Что ж, каждый волен поступать так, как ему этого хочется. И Крымов не обязан открывать дверь по первому звонку, так же как брать телефонную трубку, если неожиданный разговор может помешать его счастью. Хотя для Крымова счастье – держать в объятиях женщину вообще, не важно, зовут ли ее Юлией или Полиной...

Шубин вышел из подъезда, пересек двор и вошел в подъезд дома, стоящего напротив крымовского. Поднялся на четвертый этаж, достал бинокль и направил прямо на светящееся окно спальни. В щель между темно-красными шторами ничего не просматривалось, кроме розовой стены. И вдруг вспыхнуло окно кухни. Оно было задернуто прозрачной занавеской, через которую если днем ничего невозможно рассмотреть, то вечером, когда внутри зажигается свет, можно увидеть все до мельчайших подробностей...

Шубин опустил бинокль. Он был потрясен. Он вдруг почувствовал чужую боль, ЕЕ боль. «Господи, – подумал он, – какое счастье, что ОНА этого не видела!»

Игорь достал из кармана сотовый телефон и позвонил Шукиной. Он видел, как она резко обернулась – должно быть, телефон находился в прихожей или спальне, откуда она пришла на кухню...

– Слушаю, кого это черт принес? – спросила она хрипловатым и крайне недовольным голосом.

Шубин ее уже не видел, должно быть, она стояла сейчас где-то в глубине квартиры и разговаривала с ним так, чтобы ее мог слушать Крымов.

– Это я, Игорь.

– Шубин? Ты уже в городе?

– Да вот приехал пораньше, чтобы проверить, чем это вы здесь без меня занимаетесь... Ты дома, надеюсь, или торчишь до сих пор в агентстве?

– Дома, конечно... – И тут она вплыла на кухню, уселась на стул, кутаясь в длинный черный крымowski халат, почти перед носом Шубина, и сладко потянулась. – Ты разбудил меня, Игорек. Какие вопросы?

Она еще и кокетничала! Разве могла она предполагать, что находится под прицелом полевого бинокля, делавшим ее присутствие на кухне почти что осязаемым... Шубину так и казалось, что стоит ему сейчас протянуть руку, как он коснется ее плеча и ощутит густой и мягкий ворс халата.

– Где Юля?

– А... Нетрудно было догадаться, кого ты разыскиваешь в такой час... А что, разве ее нет дома?

– Во всяком случае, она мне не открыла, а окна не светятся... Я звонил ей... Но мне показалось, что трубку взяла не она, к тому же телефон сразу же отключился, словно со мной не захотели разговаривать...

– Бесплезно! Она отдала телефон своей портнихе, которая вляпалась в историю с какой-то зечкой... И если Юльки сейчас нет дома, то она может быть у Жанны. Записывай адрес... Так-с, дай-ка вспомнить: Ломоносова, тридцать пять – пятнадцать... А что касается ее нового телефона... записывай... – она продиктовала ему новый номер и зевнула. – Ну что, все?

– Все. Привет Крымову... Извини, я хотел сказать Чайкину...

Он отключил телефон, но продолжал еще какое-то время смотреть в бинокль. Он хотел увидеть и увидел ту растерянность, которая появилась на ее лице после его «привета». Интересно, поняла ли она, что он знает о том, где она проводит эту ночь?

На улице Ломоносова он остановил машину, но перед тем, как выйти из нее, чтобы войти в дом, где жила портниха Юли, решил позвонить сначала по старому номеру сотового, чтобы услышать голос портнихи, а потом уже и по новому, чтобы сообщить, что он здесь, возле дома, и ждет ее.

– Жанна? – спросил он, предполагая, что раз Юля отдала ей свой телефон, то и трубку возьмет она.

– Да. Это ты, Борис?

– Нет, я Шубин. Юля у вас?

– Юля, это тебя...

Он нашел ее, это было счастьем, это было радостью, это было...

– Игорь, ты? – услышал он родной голос и почувствовал, как сердце его постепенно восстанавливает свой прежний, здоровый ритм. – Где ты и как меня нашел?

– Я на Ломоносова...

– Так приходи скорее... Мы здесь просто умираем от страха и боимся выйти... Это просто чудо какое-то, что ты позвонил и что ты вообще в городе... Приходи, мы ждем...

* * *

– С чего вы взяли, что это именно она? Мало ли кто мог звонить в дверь? Вы же сами, Жанна, только что говорили, что к вам мог прийти ваш приятель Борис. Откуда эта паника? Что это с вами, на вас лица нет!

Юля, которая сидела на диване, прижавшись к Жанне, покачала головой – она и сама не поняла, с чего они взяли, что стучавший и около четверти часа звонивший в дверь человек была именно зечка Марина.

– Наверно, это массовый психоз, – пробормотала она, испытывая жгучий стыд за свою трусость. – Ведь мы даже не подошли к глазку, чтобы посмотреть...

– А для тебя, дорогуша, – Шубин, обращаясь к и без того сконфуженной собственным поступком Юле, возмущенно всплеснул руками и хлопнул себя по бедрам, – это вообще непростительно. Ты же профессионал! Ты что, забыла, что у тебя в сумочке пистолет, а в кармане сотовый телефон, по которому ты в любую минуту можешь вызвать милицию?

– Вот в милицию-то как раз Жанна звонить и не разрешила, я же уже тебе объяснила, что ее запугали...

– Послушайте, Игорь, – подала жалобный голос Жанна, вставая на защиту Земцовой, – вы, конечно, мужчина и устроены несколько иначе, чем мы, поэтому вам трудно понять мои чувства. Вам кажется, что все это пустое, что это чуть ли не мои собственные фантазии, но вы бы видели эту страшную особу, от нее прямо-таки исходит смертельный холод... У нее и пистолет есть. К тому же она обещала убить меня... Во всяком случае, должна была прийти ко мне сегодня... Откуда ей известно мое имя? И зачем, спрашивается, она дала мне время на то, чтобы я сама догадалась, за какие такие грехи она собирается меня убить...

– Но если вы и на самом деле были так напуганы, то почему же не пригласили сюда вашего приятеля, а ты, Юля, Крымова? А вдруг бы эта ненормальная

действительно явилась сюда и начала палить из пистолета?

– Я так и собиралась сделать... – Юля вздохнула и покачала головой, словно ей было мучительно это вспоминать. – Но Крымов, еще в ресторане, где мы ужинали, под самый конец почувствовал себя плохо, он сказал, что у него начались боли в желудке, и это МНЕ пришлось сопровождать его домой, что уж говорить о том, чтобы он согласился провести ночь здесь, с нами...

– Ему стало плохо? – Шубин от злости даже побелел, представляя, насколько же было плохо Крымову, если он, цинично предложив Юле проводить его, несчастного, до дома, тотчас улегся в постель со Щукиной! – И ты ему поверила?

– Ну конечно, а почему бы и нет? Он схватился за живот, и когда я предложила ему остаться с ним или вызвать «Скорую», наотрез отказался, сказав, что такие приступы для него – дело обычное и что ему надо просто побыть одному...

– Ну хорошо, про Крымова мне все как будто ясно. А что же ваш...

– ...Борис? – спросила Жанна. – Да теперь уже я и сама понимаю, что скорее всего это был он... А мы ему, представляете, не открыли...

– Девочки, по-моему, у вас просто крыша от страха поехала. Значит, так. Вы, Жанна, немедленно звоните Борису – у него есть телефон?..

Она кивнула.

– Вот и отлично. Звоните ему и узнавайте, он это был или нет, то есть он ли ломился к вам? Странно, что вы сами до этого не додумались.

– Додумались, но только его, кажется, нет дома...

Раздался звонок в дверь. Короткий, как звуковой призрак.

– Звонят... – Жанна замерла. – Вот теперь это точно... ОНА...

Шубин достал пистолет и вышел из комнаты в прихожую. Подошел к двери и заглянул в глазок.

– Кто там? – спросил он, глядя через толщу мутного стекла на стоящего за дверью высокого бородатого мужчину.

– Игорь, кто это? – вцепилась в плечо Игоря Юля и повисла на нем. – Женщина?

– Мужик с бородой.

– Это Борис, – услышали они голос Жанны. – Откройте ему, пожалуйста...

Шубин открыл дверь и впустил Бориса.

– Шубин, – представился он, протягивая ему руку. – Я работаю с Земцовой. Вы приходили сюда поздно вечером?

Борис, явно не ожидавший встретить у Жанны так много гостей, заозирался по сторонам, словно не был уверен, что видит перед собой всех присутствующих в этом доме.

– Ну, приходил, а в чем, собственно, дело? – У него был довольно спокойный голос, да и вообще внешний облик его свидетельствовал о том, что ко всему происходящему Борис относится с достаточной долей иронии. – Мне почему-то не открывали, хотя я стучал и звонил в дверь минут пятнадцать. Причем я подавал голос, поскольку понимал, что Жанна может принять меня за ту страшную тетку...

– Так оно и вышло, – сказал Шубин, убирая пистолет и подавая Юле знак, чтобы она собиралась. – Пойдем, Земцова. Думаю, что теперь, когда у Жанны появился защитник, ей уже ничего не страшно.

– Спасибо вам, Игорь. Вы уж простите меня... И ты, Боря, прости нас, мы совсем потеряли голову от страха. – Жанна, оказавшись в объятиях Бориса, прижалась к нему и заплакала.

– Все будет хорошо, – уверил Шубина Борис, пытаясь взглядом показать ему, насколько несерьезно он сам относится к страхам подруги. – Думаю, что через пару дней Жанночка обо всем этом забудет... Ну, не плачь... Ты же взрослая девочка.

Юля, стараясь не выдать своего волнения, связанного с приходом Бориса – ей все больше и больше нравился этот русский бородач с благородным лицом, – засуетилась в поисках своей шапки и сумки.

– Жанна, позвони мне в агентство завтра утром, хорошо? Ну, все, Игорек, поехали... Счастливо всем оставаться. Спокойной ночи...

– Спокойной ночи, – хором ответили Жанна с Борисом.

На улице Шубин заметил:

– Скажи, Земцова, а ведь тебе понравился этот Борис? Я заметил, как ты на него смотрела...

– Игорь, успокойся. Мужчины меня вообще не интересуют. Я куда больше озабочена тем, что поддалась влиянию Жанны и весь вечер продрожала рядом с ней... Не знаю, что со мной творится. Думала, что после ужина с Крымовым лягу спать и хорошенько выплусь...

– Как ты сказала: «С Крымовым лягу спать и хорошенько выс...»

– Прекрати! Запятую в моей фразе надо было поставить после слова «Крымовым», понятно?

– Да уж куда понятнее... – Он вдруг остановился в нескольких шагах от машины и схватил ее за руку. Он знал, что сейчас расскажет ей о том, что видел в окне крымовской квартиры Шукину, но вот с чего начать, не имел понятия. Да и как ей сообщить это, когда речь идет о предательстве, причем ДВОЙНОМ ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ?! И какой смысл это делать сейчас, поздно ночью, когда она мечтает лишь об одном – как бы поскорее добраться до постели? Стоит ли ее, уставшую и издерганную этой неврастеничкой Жанной, обрекать тем самым на бессонную ночь?

– Поехали ко мне? – предложил он, приближая к ней свое лицо и нежно целуя ее в щеку. – Поужинаем или просто попьем чайку. Поверь, единственное, о чем я мечтал, когда летел сюда по обледенелой трассе, была наша встреча...

Он говорил с жаром, быстро произнося слова. Он боялся и ее реакции на эти слова, и своего чувства, которое прорвалось и теперь, захлестнув, делало его неуправляемым. Единственное, чего он не мог себе позволить, это крепко сжать ее в объятиях.

– Игорь, прошу тебя, не надо... – прошептала она, чувствуя, как и ей передается его волнение; она отлично понимала, что, несмотря ни на какие провокации с его стороны, ей ни в коем случае нельзя соглашаться поехать сейчас к нему, чтобы не давать повода для каких-либо дальнейших его действий. Ей вполне хватало сложностей с Крымовым, который своим поведением вот уже три года бросал ее то в жар, то в холод. Несомненно, Шубин куда более надежен и умен, чем Крымов, но разве могла она позволить себе любить его, зная, что он на протяжении этих последних лет являлся свидетелем ее романа с другим?! С этим невыносимым Крымовым?! Да если она и решится когда-нибудь на любовь к другому мужчине, это будет человек НЕ ИХ КРУГА и, возможно, даже НЕ ИХ ГОРОДА. Ведь все, ну абсолютно все, кто хоть мало-мальски был связан с правоохранительными органами, ФСБ и городской администрацией, были в курсе их отношений с Крымовым. О Земцовой, может, никто и не знал бы, если бы не Крымов, о котором вздыхали все женщины города. И вот в такого человека ее угораздило влюбиться! Поскольку то неосознанное чувство, которое она испытывала к нему, иначе и объяснить невозможно.

Быть может, еще и потому не могла она себе позволить влюбиться в куда более достойного Шубина, что ей было стыдно своего поведения, которое она постоянно волей-неволей демонстрировала перед ним, не в силах сдержать свои эмоции, направленные на Крымова. Да, ей было стыдно слабости, которую она питала к – чего уж там! – бабнику! И самое неприглядное в этой истории, что она постоянно оправдывала свою связь с Крымовым тем, что, не встречаясь она с ним каждый день на работе, ей было бы куда проще забыть о нем. И не вспоминать никогда. Но ведь это же был самообман чистой воды, и она знала, что Шубин это отлично понимает.

Однако в ответ на слова Шубина (а ведь он только что прошептал ей на ухо, что любит ее, – это было неслыханно, если учитывать его робость и сдержанность, не позволявшую ему сказать ей об этом раньше!) ее природное чувство благодарности выразилось неожиданно для нее самой в нежнейшем поцелуе. И Игорь взволнованно и трепетно ответил на него, поработавшая ее, уставшую от неопределенности своих чувств и мыслей и лишенную в этот поздний час способности к сопротивлению этому настойчивому желанию обладать ею. Он так

сильно и дерзко прижал ее к себе, что вырвавшийся из его горла звук, напоминающий рычание, даже испугал ее...

– Поехали, – он почти силой усадил ее в машину.

– Поехали, – прошептала она, испытывая странное чувство страха, любопытства и возбуждения одновременно и отдаваясь движению машины, рвущейся вперед, навстречу ночи.

Он увозил ее к себе, молчаливую и покорную, понимая, что, быть может, завтра утром она оттолкнет его, бросив ему в лицо оскорбительные слова о том, что он воспользовался ее состоянием, тем, что она ночью была слишком утомлена и взволнованна, чтобы полностью отдавать себе отчет в своих действиях. Но все же, несмотря ни на что, он вез ее сейчас к себе и молил бога только об одном – чтобы она пребывала в этом своем безвольно-сомнамбулическом состоянии до того мгновения, когда он овладеет ею. Он, никогда прежде не позволявший разжигать в себе такую страсть к женщине, просто потерял рассудок, чувствуя, что та, о которой он мечтал так долго, теперь сидит рядом с ним в машине не просто как Юля Земцова – ТА Юля Земцова, которую он знал раньше лишь как своего друга и талантливого сыщика, для которого провести ночь на соломенном тюфяке на какой-нибудь даче, в засаде, прижавшись к своему напарнику всем телом и согреваясь его теплом, все равно что вместе поужинать или поговорить по телефону, – а как женщина, давшая молчаливое согласие на близость. Именно на близость, потому что о любви с ее стороны не могло быть и речи.

Разве мог он знать, что, всем своим видом демонстрируя готовность провести ночь в его объятиях, Юля тем самым собиралась открыть для себя новую страницу любви. Она не узнавала себя! Откуда вдруг граничащее с мазохизмом желание подчиниться? Ведь в этой ситуации ей уже не удастся, как это было в их отношениях с Крымовым, пококотничать или поводить провинившегося перед ней мужчину за нос, поиздеваться над ним.

Ветровое стекло залепило снегом, и прежде чем «дворники» успели расчистить его, Юля успела представить себе, что этим же снегом залепило и ее сознание. Она устала что-либо анализировать и усложнять. Ей было хорошо с Шубиным сейчас, сидя рядом с ним и чувствуя, как летят они навстречу неизвестности. «Что-то сейчас будет?» Да ради вот этих острых ощущений уже стоит попробовать на вкус ДРУГОГО МУЖЧИНУ... Тем более что это милый Шубин.

Глава 4

Когда Борис уснул, Жанна выскользнула из-под одеяла, накинула на плечи теплую кофту и перебралась в большую комнату, на диван. Но, посидев на нем с пару минут, поняла, что так она никогда не согреется, и отправилась на кухню, где включила чайник и достала из буфета печенье и мед. И снова вернулась в комнату. Лампу она не зажигала, чтобы Борис, проснувшись, не увидел полоску света под дверью спальни.

Она знала, что никто – ни Борис, ни Юля, ни тем более ее коллега Шубин – не воспринимают ее всерьез. Ей не верят, а если и верят в существование Марины, то не верят в реальную угрозу ее жизни. Оно и понятно: кругом так много психически нездоровых людей!..

И все же... Что же могло заставить даже больной рассудок выйти именно на Жанну? Что послужило толчком для этого больного воображения? Юля правильно сказала – Жанна могла быть свидетельницей криминального события, которому не придала особого значения... Но ничего похожего в ее жизни не было! Ни драк, ни тем более убийства, ни кражи... Она никого не шантажировала, ее никто не шантажировал. И почему Юля придает такое большое значение смерти ее матери? Что ж, какой-то оттенок криминала в ее внезапной смерти, возможно, и существует, и почувствовать это может действительно только посторонний человек. Такой, к примеру, как Юля. Ведь Валентина и ее смерть воспринимаются ею иначе, чем Жанной, это понятно. Для Юли, равно как и для того следователя, который долгое время не мог уgomониться и постоянно рыскал в поисках доказательств, что это было убийство, а не несчастный случай, смерть Валентины была рядовым явлением в их криминальной практике, а потому они могли отнестись к ней более объективно, чем Жанна. Но и это тоже слова... Какое, к черту, убийство, если причина смерти заключалась в большой потере крови от порезов осколками, а не в удушении или какой-либо травме, которая бы указывала на преступление... Но ничего такого не было!

Жанна обманывала самое себя. Как же ничего такого не было, если эксперт сказал, что при падении мама стукнулась головой об угол стола. Но он же, кстати, и заметил, что этот ушиб не мог быть смертельным...

Проводилась и экспертиза сломанного табурета. Он не был подпилен. Да и зачем его было подпиливать, если он держался на честном слове?! Это был так называемый «аварийный» табурет, на который мама никому не разрешала садиться, особенно гостям. Его бы выбросить, но как-то руки не доходили. Она все надеялась, что его починят... Но кто его мог починить? Того мужчину, с которым она встречалась – а у нее был любовник, в этом не могло быть никаких сомнений! – Жанна так никогда и не увидела. Он не пришел даже на похороны. Хотя, возможно, он и был, но она его не узнала. Ведь она считала, что этот мужчина должен был себя как-то особенно проявить, хотя бы подойти к телу бывшей возлюбленной или разрыдаться в толпе провожающих... Значит, либо этот человек просто не хотел себя выдавать подобным поведением, либо он не испытывал таких сильных чувств, которые заставили бы его поцеловать покойную... Или же его просто не было! Хотя на похоронах было много народу, и мужчин даже больше, чем женщин. Многих Жанна знала в лицо – это были мамы постоянные клиенты, которые одалживали у нее деньги.

Но непонятно другое: как могла мама, прекрасно понимающая, что вставать на шаткий табурет – дело опасное, забраться на него, чтобы помыть окно?! Вот это было самым абсурдным во всей трагедии. И только этот факт заставлял сейчас Жанну вспоминать последние дни маминой жизни во всех подробностях. Кто был у нее за день-два до ее смерти? С кем она разговаривала по телефону? Было ли что-то особенное в ее поведении? И – что не менее важно, чем сломанный табурет, – с какой стати она решила вымыть окно в декабре? Пусть даже лишь внутреннее стекло? И как это ее угораздило УПАСТЬ НА ОКНО? Сколько раз Жанна пыталась представить себе, как же это могло произойти реально, но так и не смогла. Если, к примеру, она действительно встала на табурет, который под ней окончательно сломался, и она рухнула с него, то навряд ли она упала бы на окно – по логике вещей, она должна была бы упасть ВНИЗ, НА ПОЛ... Она могла упасть в сторону окна лишь в том случае, если в тот момент она уже наклонилась с тряпкой в руке к стеклу и, не удержавшись, прямиком угодила в него головой (это какую же надо было иметь силу и разбег или размах, чтобы пробить головой стекло, заставив его ПОЛНОСТЬЮ разбиться на страшные острые осколки!). Но тогда непонятно, как же она могла удариться головой о стоящий на достаточном расстоянии от окна стол?

Безусловно, загадок было много. И следовательно, говоря с Жанной на эту тему, пытался вот точно так же, как сейчас она, рассуждать логически, прикидывая буквально с сантиметром в руках, как это смогла женщина ростом сто шестьдесят пять сантиметров, после удара головой об оконное стекло

развернуться и упасть навзничь, чтобы повторно удариться головой об угол стола... Да и где же тогда синяк, который должен был остаться от удара о стекло? А эти глубокие порезы на лице? Стекло тоже как будто бы не могло расколоться на такое большое количество осколков. Оно могло бы треснуть. В крайнем случае после удара мама могла бы выдавить его, но и тогда не было бы столько осколков...

Это сейчас Жанна в состоянии рассуждать об этом более спокойно и хладнокровно, а тогда она во всех действиях следователя видела лишь желание выслужиться перед начальством... Он раздражал ее своими приходами, потому что после каждого звонка в дверь она покрывалась липким потом и бледнела – ей постоянно казалось, что это ВЕРНУЛАСЬ МАМА... Но это был все тот же противный и дотошный следователь, который почему-то не верил в несчастный случай.

Спустя пару месяцев после случившегося он исчез. И даже перестал звонить.

Жанна сходила в прихожую, принесла оттуда свою сумочку, достала блокнот и пометила себе: «Для Юли. Попросить выяснить фамилию следователя и попытаться встретиться с ним, чтобы узнать, что он на самом деле думает обо всем этом...»

Она отложила блокнот и почувствовала, как приближаются предательские слезы, как закипают они, готовые прорваться рыданиями... Ну почему? За что им такие муки? Бедная мама!

Жанна замахала руками, словно прогоняя готовую разразиться истерику... Она научилась таким вот дурацким способом овладевать собой еще тогда, год назад... И это иногда срабатывало.

Она стала глубоко и медленно дышать, думая при этом о небе и звездах, которые видела сквозь большое окно, не задернутое шторами... Она внушала себе, что она – ничто по сравнению с космосом. Как маленькая. Как идиотка, цепляющаяся за свой слабый рассудок таким вот примитивным способом, она пыталась сдержать в себе поток горьких и обидных слез, свидетельствующих о ее все еще не зажившей ране... Она, как многие люди, плакала лишь тогда, когда ей становилось нестерпимо жалко себя ли, маму, кого-то из близких или просто знакомых... Слезы – высшая степень обиды на несправедливую судьбу.

Главное, чтобы не проснулся Борис. Он не должен расстраиваться из-за ее бессонницы. Он – творческая личность. Художник, для которого душевное спокойствие – залог вдохновения и хорошей работы. И вообще неизвестно, что было бы с Жанной, если бы не он. Легенда, которую она придумала для Юли, да и для других, была настолько убедительной, что впору было поверить в нее и самой Жанне. Больше того, порой ей казалось, что это вовсе и не легенда. И в такие минуты она боялась за собственный рассудок...

Борис бывал в их доме, еще когда была жива Валентина. Пару раз Жанна видела его в кабинете матери – они о чем-то разговаривали, из чего Жанна сделала вывод, что он приходил за деньгами. На следующий день после смерти мамы ничего не подозревающий Борис пришел к ним и, узнав о таком горе, долго не мог прийти в себя. Они стояли с Жанной в прихожей и молчали, пока Борис не заговорил первым. И о чем? О своей любви к ней, Жанне. Но ей в ту пору было не до любви, не до чего вообще... В квартире находились какие-то малознакомые люди, в основном женщины, которые занимались похоронами, заботились о Жанне, кормили ее, поили лекарствами и успокаивали как могли. Она плохо помнила, о чем говорил с ней в тот день Борис, но одно ей стало как-будто ясным: он принес долг. С процентами. Он несколько раз повторил это слово «проценты». И Жанна повела его в мамин кабинет, где, раскрыв книгу с записями, нашла имя «БОРИС» и проставленную напротив него сумму. Да, она чисто механически пересчитала возвращенные Борисом деньги и спрятала их в ящик письменного стола, после чего заперла его, а ключ на тонкой серебряной цепочке повесила себе на шею, как это делала раньше мама...

Следователь спрашивал ее и о ключе, и о том, где мама хранила деньги... И ключ был на месте в день смерти мамы, и ящик письменного стола просто-таки ломился от денег... Значит, не ограбление? Ведь вскрыть этот ящичек, который запирался на маленький, почти игрушечный замок, было бы минутным делом – вор и убийца обошелся бы шпилькой!

Быть может, поэтому он все же отступил, этот неугомонный следователь?

А Борис с тех самых пор так и приходил сюда, только уже не по денежным делам, а просто к Жанне. Он больше не говорил ей о своей любви, он просто был почти всегда рядом, заботился о ней, был с ней ласков... И ненавязчив. Он понимал, что прежде, чем она будет готова к близости, должно пройти какое-то время, и ждал. Они всего пару месяцев назад стали спать в одной постели, но только СПАТЬ. Более темпераментная и здоровая женщина, возможно,

истолковала бы столь долгое воздержание мужчины не в его пользу, сочла бы его попросту импотентом, но у Жанны была возможность наблюдать вполне нормальную реакцию Бориса на присутствие рядом с ним полуобнаженной женщины... Да он и сам с помощью ее руки не раз доказывал ей свою мужскую состоятельность, пытаясь разжечь в ней желание. Но оно если у нее и появлялось, то Жанна боялась признаться в этом даже себе! Чего уж говорить тогда о Борисе? Возможно, подсознательно она ждала каких-то решительных действий с его стороны, но он продолжал сдерживать себя... Вот так они и мучились, словно демонстрируя друг другу сильную волю и исключительно платонического характера любовные переживания.

И все же она чувствовала себя любимой и была почти счастлива. И вдруг эта Марина... Откуда она явилась? Из какого измерения? Из чьей жизни, куда, возможно, по ошибке попала, как в паутину, Жанна или... ее мать?

ДЕНЬГИ! Может, это связано как-то с деньгами, которые Валентина могла ссудить кому-то, кто находился сейчас в тюрьме?

Ведь пропала же книга записей последних месяцев? А из других книг выходило, что она со всеми рассчиталась, вернее, все рассчитались с ней. А ведь были клиенты, которые занимали крупные суммы, в основном мужчины, которым не терпелось купить машину. Женщины занимали, как правило, понемногу. Кому-то хотелось купить золотую вещь, кому-то добавить на шубку, а кому-то необходимы были деньги на авиабилеты... Была у них одна знакомая молодая женщина, актриса, которая летала в перерывах между спектаклями в Москву на свидание к своему возлюбленному... Об этом Жанна знала от матери, которая хоть и хранила чужие тайны, но эту почему-то сочла смешной и даже забавной... А скорее – несерьезной! Может, поэтому и рассказала об этом Жанне.

...Она вздрогнула. Нет, ей показалось... Сердце застучало, забилося в груди, словно ища выход... Что это за звуки? Может, Борис пошел в туалет? Но нет, дверь спальни не скрипнула... Что это за звон? Так звенят ключи... Кто это?

Жанна от страха сползла с дивана на пол и забилась в угол, между креслом и портьерой...

Она отчетливо слышала, как открывали ЕЕ входную дверь! Характерный скрежет замка, звон ключей и... чьи-то тяжелые шаги...

Она хотела закричать, но горло ее словно затвердело, налилось чем-то ледяным... От ужаса ее затошнило, голова закружилась...

Она увидела черный силуэт на фоне дверного проема. Большой человек остановился, словно всматриваясь в темноту. Жанна даже слышала его шумное и взволнованное дыхание. Но он не зашел в комнату, она услышала, как он отправился в сторону спальни... Вот, теперь она услышала скрип – он открыл дверь и увидел Бориса на постели... Снова шаги, все тише и тише... затем громче; вот он свернул на кухню... Включил свет и через несколько минут снова выключил.

Откуда-то потянуло запахом табака и перегара! Шаги приблизились – должно быть, он стоял в коридоре и курил. Но кто? Грабитель? А что, если он уже убил Бориса, как раньше убил маму?

Звон ключей... И тишина. Жуткая, смертельная. Разве что тихие, но гулкие шаги, доносящиеся уже из подъезда? Человек спускался... Все, вот теперь она отчетливо услышала, как он идет по скрипучему снегу...

Она выпрямилась и выглянула в окно: он шел, должно быть, под самыми окнами, поскольку хоть и были слышны шаги, но самого человека не было видно.

В эту минуту вспыхнул свет в прихожей, и она увидела Бориса...

– Жанна! – крикнул он неестественно высоким и громким голосом. – Это ты сейчас курила и открывала дверь?..

Голос его дрожал, то и дело срываясь на нервный визг...

– Нет, – бросилась она к нему на грудь и замерла, чувствуя бешеное биение ЕГО сердца. – Здесь кто-то был... Я видела его. Это крупный, высокий мужчина... Борис, он спокойно открыл дверь... У него есть ключи, я слышала, как он ими звенел... Вызывай скорее милицию... Где Юлин телефон? В спальне? Кажется, я оставила его под подушкой...

– Милицию? Но что мы скажем, что видели привидение?

– Какое еще привидение, если в квартире пахнет дымом и перегаром... Он что-то делал на кухне... Пойдем, проводи меня, я боюсь...

Они, прижавшись друг к другу, медленно шли по коридору в сторону кухни. Борис протянул руку и зажег свет.

Все выглядело вроде бы так же, как до визита незнакомца: чайник, вазочка с медом на столе...

– Деньги!

Жанна увидела лежащую на краешке стола пачку денег, перехваченную розовой резинкой.

– Борис, это твои деньги?

Он посмотрел на нее, словно не расслышал ее слов, после чего зачем-то обернулся, словно за его спиной мог стоять кто-то невидимый, и молча покачал головой. Лицо его было напряженным, а на щеках выступили красные пятна.

– Нет, это не мои...

Жанна почувствовала, как волосы на ее голове зашевелились. Ей стало не по себе.

* * *

Она боялась открыть глаза. За какие-то доли секунды она успела вспомнить все, что произошло с ней ночью, и теперь не знала, что ей делать, как себя вести, о чем говорить и кем быть вообще... Той ли прежней Юлей Земцовой, которой довелось провести ночь в одной постели с Шубиным – своим напарником, либо новой Юлей Земцовой – женщиной, принадлежащей теперь и душой и телом этому достойному во всех отношениях мужчине.

Теперь она должна просто выйти за него замуж. Она родит Игорю сына и станет хорошей женой и матерью. А может быть, ей следует незаметно выскользнуть из

постели, одеться и сбежать. Сбежать не только из этой постели и квартиры, а вообще из города, в Москву, к маме, к новой жизни... Ведь Игорь, каким бы хорошим он ни был, все равно не сможет простить ей Крымова. Пусть он даже никогда в жизни ее ни в чем не упрекнет, все равно – он из тех, настоящих мужчин, которые имеют право быть собственниками своих женщин.

Но ведь ОНА НЕ ТАКАЯ! Она никогда не сможет стать ничьей собственностью, даже самого достойного мужчины на земле!

И это были не пустые слова, которые она сказала сама себе в это утро. Нет. Просто она достаточно хорошо себя знает и не собирается совершать очередную глупость. Глупость, которая будет заключаться в том, что, выйдя замуж за Игоря, она обречет его на постоянную муку ревности к Крымову.

О любви она боялась и думать, и загадывать. Она любила Игоря: не так, как Крымова, но все же любила, иначе не позволила бы увезти себя сюда, не смогла бы испытать и подарить ему столько нежности...

– Игорь, – позвала она шепотом, не открывая глаз и вся обращаясь в слух. – Ты спишь?..

Прошла минута-другая, но он так ничего и не ответил. Тогда она открыла глаза и повернула голову. Подушка Игоря была пуста.

– Игорь! – крикнула она, вскакивая с постели и натягивая на голое тело свитер. – Где ты, черт бы тебя побрал?..

И вдруг она услышала голос. ЕГО голос. Она пошла за звук и обнаружила Игоря стоящим посреди кухни в чем мать родила. Он разговаривал с кем-то по сотовому. На столе стоял поднос, на котором благоухали две чашки, полные горячего кофе.

– ...Мы подведем минут через сорок, не раньше. Постарайтесь никому не открывать и, уж конечно, не выходить из дома. Все, ждите.

Он повернулся и, увидев Юлю, застывшую в дверях в одном свитере, виновато пожал плечами и соорудил смешную мину:

– Я разбудил тебя? – Он подошел, обнял ее и поцеловал. – Звонила твоя портниха Жанна. К ней ночью пришел какой-то «здоровый», как она выразилась, мужик и оставил на столе деньги.

– Как это ПРИШЕЛ? Что, сам?

– Да, представь себе. Открыл дверь своими ключами и вошел. Глубокой ночью. Стараясь не шуметь, проник на кухню и положил на стол пачку денег, после чего так же спокойно ушел. Кажется, он еще курил...

Она посмотрела на Шубина и по тому взгляду, которым он сопровождал свой рассказ, она поняла, что он принимает Жанну за сумасшедшую.

– Ты зря так о ней... – сказала она, чувствуя, что происходит что-то очень интересное и необычное. – У нее с головой все в порядке...

– А я ничего такого и не говорил... Только больно уж все странно. И почему тогда она не позвонила раньше?

– Да потому, глупая твоя голова, что не хотела нас будить. Ведь все равно до утра ничего бы не изменилось.

– Это почему же ты так думаешь? Если этот мужчина пришел ночью, причем воспользовавшись своими ключами, то что помешало бы ему повторить свой визит в любое удобное для него время?

– Она ничего не говорила о милиции?

– Говорила. Она не вызывала милицию. Она все еще находится под впечатлением визита той сумасшедшей...

– Тогда внеси в свой список еще одну идиотку – то есть меня. Считаю необходимым срочно выехать к Жанне, снять отпечатки пальцев с денег, с двери, замков... Вот черт...

– Что это ты расчертыхалась?

Шубин изо всех сил старался сочетать в себе нежность и иронию, но это у него не очень хорошо получалось: ему надо было спешить в агентство, где у него была назначена встреча с родителями пропавших девушек из М., а идти не хотелось – в кои-то веки он был так счастлив! Поэтому он нервничал, говорил все, что придет в голову, и больше всего боялся, что Юля воспримет эту ночь как что-то само собой разумеющееся. Что их близость в ее жизни, в череде дней, заполненных событиями и переживаниями совершенно другого рода, займет не подобающее ей место, отведенное для отдыха, поправки здоровья или вообще – развлечения! Он настолько боялся в это утро Юлиной реакции на все, что произошло между ними, что такая реакция его просто убила бы. Хотя и к этому он был внутренне готов: в конце концов, он любил ее именно такую, какой она была, и не собирался лепить специально под себя ДРУГУЮ Юлю Земцову.

Она легкомысленна? Да. Она слаба характером? Пожалуй. Она слишком молода, чтобы по-настоящему оценить его чувство? Вполне вероятно.

Но ведь все это было связано в первую очередь с Крымовым. И только. Она была легкомысленна, только когда соглашалась идти к нему на свидание, зная, что у него еще с десятков любовниц.

Она проявляла слабость характера исключительно по той же причине...

А что касается ее молодости и неопытности, то это уж Шубин придумал сам. И только для себя. Так ему было удобнее оправдывать все ее поступки, а заодно и свои...

Он смотрел на нее, присевшую на низкий табурет – маленькую, хрупкую, закутанную в непомерно длинный свитер, который она натянула на колени почти до полу, скрывая свою наготу, и наслаждался этим роскошным зрелищем... Длинные светлые волосы ее, струящиеся по левой стороне груди и достигающие почти до пояса, скрывали часть розового от сна, нежного лица... Она пила кофе маленькими глотками, словно боясь обжечься.

Юля, увидев, что с ним начинает происходить в физическом смысле (а он был все еще обнажен и пил кофе, стоя в шаге от нее), быстро поставила свою чашку на стол и почти бегом выбежала из кухни.

– Шубин, я все понимаю, я очень люблю тебя, но у нас куча дел... Вечером все наверстаем...

Он, с красным лицом – кровь так и пульсировала в щеках, казалось, ее можно ощутить, прикоснувшись к ним ладонями! – и сковывающей его тяжестью внизу живота, усмехнулся ее словам. Ему не верилось, что такая простая фраза, как «вечером все наверстаем», относится к нему, к Шубину. Ведь это говорит о чем? О том, что они и следующую ночь проведут вместе...

– Послушай, Земцова, – постарался и он ответить ей ЗАПРОСТО, – одной чашки кофе на завтрак после такой ночи явно маловато... Я разогрею курицу, одевайся и приходи... Слышишь?

– Да иду уже...

Он почувствовал, как его тело покрылось мурашками удовольствия. Ему до сих пор не верилось, что все это происходит с ним!

* * *

– Собирайся! – Юля почти ворвалась в квартиру Жанны. – Собери все необходимое, кинь в дорожную сумку и поехали ко мне. Это обсуждению не подлежит. Слишком уж много всего происходит в этой квартире... Скажу сразу – Игорь считает, что все это несерьезно, просто он тебя не знает, поэтому не вздумай на него обижаться... А я тебе верю, больше того – опасаюсь, что не сегодня-завтра я могу тебя вообще потерять... А потому – повторяю – собирайся и поехали ко мне... Где твой приятель?

Жанна, словно заразившись энергией от раскрасневшейся – от мороза ли, от волнения – Юли, забежала по квартире в поисках сумки. Она говорила на бегу, волнуясь, но в душе радуясь такому повороту дела:

– Я ведь и сама хотела напроситься к тебе... Знаешь, как все это неприятно и страшно... Главное, что и Борис видел этого мужчину, точнее... – Здесь она притормозила как раз напротив Юли и, тяжело дыша, прошептала: – Не мужчину, а именно МУЖИКА! Думаю, что он много старше меня и очень высокий, здоровый, как такие большие обезьяны... И двигался он по квартире уверенно,

словно знал расположение комнат... По-видимому, он искал меня, но так и не нашел...

– С чего ты взяла?

– Да ведь я спряталась от него за диван! Я точно знаю, что он вошел в спальню, но, увидев лежащего на кровати Бориса, ничего ему не сделал, не сказал, а пошел дальше... На кухне покурил...

– Пепел оставил?

– Думаю, что он стряхивал его на пол, если за то время, что он был здесь, вообще успел образоваться пепел... Скорее всего он закурил, но сигарета или папироса погасла... Думаю, что это дешевый табак, так пахнет обычно от стариков, которые привыкли курить «Беломор» или что-нибудь в этом роде...

– Поторопись. Внизу машина, я тебя сейчас отвезу, а сама поеду в агентство, там приехали люди из другого города, боюсь, что не успею услышать самое главное...

– Что-нибудь случилось?

– Конечно. У нас работа такая – у кого-то что-то случается, а мы ищем виноватого...

– Господи, как хорошо, что ты приехала... Борис только что ушел – у него дела.

– А он... кто?

– Художник. Разве я тебе не говорила?

– Не помню... Кажется, нет.

Если бы Жанна могла сейчас прочитать ее мысли, то она бы узнала, что, кроме внешности красавца славянина, Юля ничего не заметила. Больше того – она бы удивилась той силе самовнушения, которая сделала Юлю почти равнодушной к Борису, хотя при первой встрече он, безусловно, произвел на нее совершенно

неизгладимое впечатление.

– А чего это ты улыбаешься? – Улыбка осветила и Жаннино лицо. – Признайся, ведь он понравился тебе?

– Да ты и сама все знаешь... Ну ладно, хватит разговоров. Пора. Разные мелочи – шампунь там, мыло – не бери, у меня этого навалом... Не забудь записную книжку – мало ли что... Деньги прихвати на всякий случай, документы – возможно, придется уехать из города.

– Я и сама понимаю...

– Да, чуть не забыла, прихвати все мамины гроссбухи.

– Не поняла...

– Что же тут непонятного? КНИГИ ее возьми, куда она все записывала. Те, которые остались.

– Зачем?

– Слушайся старших...

В дверь позвонили. И Юля, позабыв о всякой осторожности, открыла, даже не заглянув в глазок.

Зрелище, которое предстало перед ней, заставило ее содрогнуться.

На кафельном полу лестничной площадки, привалившись друг к другу, торчали, засунутые в обрезанные короткие мужские резиновые сапоги, окровавленные обрубки человеческих ног. Как в фильме ужасов. Как отлично сработанные муляжи – настолько неестественно для реальной жизни они смотрелись на фоне уютной и мирной тишины утреннего подъезда.

– Кто там? – попыталась заглянуть через плечо Юли Жанна.

Юля, пятясь, вернулась в прихожую, прикрыв за собой дверь.

– Жанна, – произнесла она как можно тверже, хотя одним своим дрожащим голосом вызвала подозрение, не говоря уже о страхе, который прямо-таки витал в воздухе вместе с запахом крови. Так, во всяком случае, показалось тогда Юле. – Жанна, обещаю тебе, что ты в ближайшие полчаса не подойдешь к глазку и не выглянешь в подъезд. То, что там находится, не имеет никакого отношения к тебе... Это имеет прямое отношение КО МНЕ, – врала она напропалую. – Дело в том, что мы с Игорем ведем одно параллельное расследование, поэтому тебе не стоит так волноваться... Сядь вот сюда, – привела она ее на кухню и усадила на табурет, – и сиди тихо, как мышка... Скорее всего и эта Марина, и все то, что с тобой в последнее время происходит, связано именно со мной...

– С тобой? В смысле?

– Ведь ты моя портниха, верно? А это означает, что я бываю в твоей квартире... Так что охота началась на меня, и ты просто обязана выбросить все свои страхи напрочь... Сейчас я позвоню Корнилову...

– А это еще кто такой?

– Это старший следователь прокуратуры, он в курсе моих дел... А я сейчас выйду из квартиры и постараюсь сделать так, чтобы в подъезде, на твоей лестничной площадке никто не появился... Где твои ключи? Я тебя запру.

Она плела всю эту чушь в надежде успокоить Жанну, поскольку понимала: стоит той увидеть весь этот кошмар перед своей дверью, как придется вызывать не только милицию, но и «неотложку». Кроме того, для молодой девушки, которая едва оправилась после потери матери, такое зрелище грозило шоком, а то и серьезным психическим расстройством.

Конечно, никакого отношения эти отрубленные ноги к Юле не имели. Но главное сейчас состояло в том, чтобы запереть Жанну и попытаться как можно скорее связаться не только с Крымовым, но и с Сазоновым – инспектором уголовного розыска, с которым они тоже иногда работали параллельно и который имел свои проценты от гонораров клиентов, чьи дела они расследовали вместе.

Юля действовала решительно. Заперев Жанну в ее квартире, она достала из кармана куртки пачку «Дирола», достала одну пластинку жевательной резинки, за какие-то секунды разжевала ее, стараясь не смотреть на то, что находилось всего в нескольких сантиметрах от нее, и залепила этим мягким белым и душистым шариком дверной глазок, чтобы Жанна ничего не увидела. Затем бросилась вниз, чтобы попытаться заблокировать входную дверь. Хотя бы на время... Она надеялась на чудо – на то, чтобы до приезда опергруппы никто из посторонних не смог наследить вокруг РЕЗИНОВЫХ МУЖСКИХ САПОГ...

На крыльце, страшно волнуясь, она набрала номер сначала Крымова, затем Сазонова и Корнилова. Она назвала лишь адрес и сказала, что «ЭТО СРОЧНО». Все. Она знала, что этого достаточно, чтобы эти люди прибыли сюда в течение десяти-пятнадцати минут.

Судя по тому, что из подъезда никто не выходил, с каждой минутой прибавлялся шанс, что прибывший эксперт сумеет снять с кафельного пола лестничной площадки следы обуви именно того человека, который и принес туда эти САПОГИ.

И вдруг она увидела приближающуюся быстрым шагом по направлению именно к тому крыльцу, на котором она стояла, худую высокую женщину во всем черном. Чем ближе она подходила, тем отчетливее проступали все детали ее внешнего облика, свидетельствующие о том, что это МАРИНА, та самая зечка, которая собиралась убить Жанну.

Час от часу не легче!

Юля собралась было уже сказать женщине, которая одним своим видом вызывала если не страх, то отвращение – это точно, – что в подъезд заходить нельзя, как та, словно предчувствуя что-то, неожиданно кинулась прочь, пробежала до конца дома и скрылась за его углом. Юля растерянно металась между подъездами в ожидании знакомых машин, надеясь, что в случае, если одна из них появится, ей удастся побегать вслед за Мариной, но, когда, увидев «Мерседес» Крымова, добежала до угла дома, поняла, что опоздала: Марины нигде не было видно. Очевидно, она скрылась в одном из трех переулков, которые вели к трамвайным путям.

Крымов не скрывал своей нежности и озабоченности, а потому, подбежав к Земцовой, набросился на нее и довольно-таки театрально обнял, чуть ли не закатив глаза к небу:

– Господи, Юлечка, как же ты нас всех напугала... Что случилось? Судя по тому, что ты жива, – все обошлось?

Юля молча высвободилась из его хотя и крепких, но почему-то показавшихся ей неискренними объятий и, качнув головой в сторону подъезда, произнесла, чувствуя себя одновременно и предательницей по отношению к нему (ведь она же сегодня ночью изменила ему с Шубиным!), и обманутой (кто знает, может, и он уже успел ей изменить с какой-нибудь актрисочкой!):

– На третьем этаже, на лестничной площадке стоят резиновые мужские сапоги, а в них – человеческие ноги... обрубки...

Они поднялись на лифте. Едва они достигли нужного этажа и двери лифта разъехались, Крымов, увидев САПОГИ и пробормотав «Боже, какой ужас!», с удивлением посмотрел на Юлю:

– Как это случилось?

– Юля, это ты? Открой мне, пожалуйста... – донесся до них голос Жанны, запертой в квартире. – Я только что видела ее... Она приходила, но потом убежала... Ты видела ее? Видела Марину?

– Жанна, успокойся, пожалуйста, я видела ее, но не смогла ее догнать. – И уже обращаясь к Крымову: – Женя, я пойду к Жанне... Она не должна знать, ЧТО здесь... Я сказала ей, что все, что сейчас происходит с ней, имеет отношение к НАШЕЙ работе... Ты все понял?

– Пока еще нет.

– Ей нельзя волноваться. У нее недавно умерла мать. Теперь понятно?

Крымов кивнул головой и вздохнул, разглядывая белые голые ноги и страшные срезы, почерневшие от запекшейся крови.

– Ладно, иди, я сам встречу Сазонова... Иди-иди, они уже приехали – я слышу их голоса...

– Тогда прикрой меня, чтобы в случае, если Жанна стоит рядом с дверью, она не успела ничего увидеть.

Крымов сделал так, как она его попросила, и Юля, отперев дверь, проскользнула в квартиру.

* * *

Они вернулись в агентство около трех часов, смертельно уставшие, голодные и раздраженные, причем все без исключения. Крымов злился на то, что из-за этого странного происшествия с «сапогами» (так они теперь называли Юлину страшную находку) была отложена встреча с м-скими клиентами – отцами Тани Трубниковой и Дины Кирилловой – девушек, пропавших без вести этой осенью.

Надя, которая ждала их возвращения с целым подносом бутербродов и горячей кофеваркой, распространяющей совершенно одуряющий аромат свежего кофе, как могла успокаивала Крымова, словно, кроме него, в приемной никого не было – ни Земцовой, ни Шубина:

– Да ты не переживай так, Женечка, я им все объяснила, показала, где здесь поблизости есть кафе, они сейчас пообедают и вернутся. Так что никуда твои клиенты не денутся. А что случилось-то?

Пока Крымов с набитым ртом рассказывал Щукиной о том, что произошло в подъезде Жанниного дома, Юля слушала их, испытывая при этом какое-то странное чувство, как будто в приемной разыгрывается сложный фарс – спектакль явно не для средних умов... Каждая интонация, каждое произнесенное как Крымовым, так и Щукиной слово были фальшивыми. Создавалось впечатление, что эта парочка изо всех сил старается убедить окружающих в своих нежных чувствах друг к другу. Щукина, воркуя и при этом издавая наигранные «ахи» и «охи», явно дразнила Юлю и Игоря, не предполагая, конечно, что за последнюю ночь в их отношениях произошли такие серьезные перемены. Она, как ей казалось, разжигала ревность Юли и одновременно ревность Игоря...

– Шукина, перестань кормить Крымова с ложечки, на вас противно смотреть!.. – наконец, не выдержав, рявкнул Игорь и тут же нервно хохотнул: – Ты хоть понимаешь, что произошло? У тебя сердце есть?

– Да оставь, Игорь, пусть порезвится... Это у нее нервное... – спокойно произнесла Юля и взяла с подноса последний бутерброд. – Главное, чтобы эти ноги не имели никакого отношения к нашей клиентке. Мне почему-то кажется, что девочки найдутся. Или, во всяком случае, МЫ ИХ НАЙДЕМ. Ведь верно, Надя?

– Я что-то не понимаю, что здесь вообще происходит? И почему это я не могу покормить Крымова с ложечки? Крымов – ничей, правда ведь, Женя?

– Правда, – вздохнул Крымов и покачал головой. – И никому-то во всем белом свете я не нужен... кроме кредиторов, черт бы их побрал на самом деле!.. Ну, где твои клиенты, Шубин? Сколько можно есть? А что, если они обиделись и уехали в свой М.?

– Никуда они не уедут. У них дочери пропали, а ты говоришь... – возразил Шубин.

Юля, молчавшая все это время, тоже решила высказать свое мнение:

– Я чувствую, что в нашем агентстве что-то происходит... какие-то подводные течения, что-то неясное, словно кто-то что-то недоговаривает... Но это... Бог с ним. У меня есть предложение. Сейчас придут шубинские клиенты. Их двое, значит, и дела будет два. Наверняка придется выезжать в М. и даже пожить там какое-то время. Кроме этого, существует дело моей портнихи – Жанны Огинцевой. Надеюсь, после того, что произошло сегодня утром, уже никому не кажется, что визит зечки – плод ее фантазий? Уверена, что причину столь странных происшествий, которые произошли с ней в последнее время, надо искать в прошлом ее матери... Короче – отдайте это дело мне. Пожалуйста.

– Что же творится! – всплеснул руками Крымов. – Ты хочешь сказать, что это я, собственной персоной должен тащиться в М.? Жить там в затрапезной гостинице и позволить клопам терзать мое тело? Даже если я поеду туда с Шубиным, меня это не спасет... Кроме того, мне надо возвращаться домой, я не закончил главу... Нет уж, ребятки, я тащу на себе все агентство, все счета и долги вот где... – Он похлопал себя по шее. – Я не двуличный, мне необходимо оставаться здесь, а потому поезжайте сами... Ты, Игорек, бери Земцову и

отправляйтесь с ней в М. Уверен, что разговор с Трубниковым и Кирилловым у вас не займет и четверти часа. Все и так ясно. Они наверняка привезли фотографии своих дочерей и данные о том, где девушки учились. Это все. Главное теперь – провести расследование на месте, то есть непосредственно в М. Опросить местное население на предмет выяснения, с кем общались, встречались, близко сходились или ссорились девочки... С кем их видели в день исчезновения... да что я вас учу – вы и сами это все знаете не хуже меня... Щукина будет пахать свою ниву – обеспечит оперативной информацией, результатами экспертиз, связью с Сазоновым и Корниловым. Транспорт у нас, слава богу, на ходу. Наличности для ведения дел хватает... Договаривайтесь с мужиками и поезжайте в М. Что же касается этой портнихи, то раз уж Земцова так хочет заниматься этим делом самостоятельно, то пусть и занимается. Насколько я понимаю, сейчас эта девушка находится у нее дома, то есть в надежном месте. Думаю, что сегодняшнего вечера вполне хватит для того, чтобы вытрясти из нее все, что касается связей ее матери, проанализировать ее действия накануне смерти и выйти на клиентов... Я просто уверен, что ее мать убил кто-то из должников. Больше того, я сегодня утром вспомнил, что знал эту женщину. Ее звали Валентина. Она ссужала деньгами некоторых моих знакомых. Мы даже бывали с ней в одной компании... Это была молодая и красивая женщина, умная, я подчеркиваю – УМНАЯ. Те книги Валентины, о которых говорила Юля, можно выбросить – это все макулатура. Основная информация о НАСТОЯЩИХ клиентах – исчезла. И тебе, Юля, придется с этим смириться. Человек, который задолжал ей крупную сумму денег, и отправил ее на тот свет. Туда же отправилась и книга с расписками. Ты себе представить не можешь, какими суммами ворочала мамочка твоей портнихи... Ты не смотри, что она так скромно живет, – у нее есть деньги...

– Неправда! – воскликнула Юля. – Она работает, вот откуда у нее деньги. От матери же ей осталось совсем немного... Я верю Жанне.

– Это ваше личное дело, госпожа Земцова, кому верить, а кому – нет. Но я знаю, что говорю. Больше того – Я САМ БРАЛ У НЕЕ ССУДУ...

– Значит, Крымов, ты ее и убил, – логично заметил Шубин и налил себе еще чашку кофе. – А теперь отправляешь Юлю в М., чтобы она тебя не разоблачила... А может, ты был еще и любовником этой несчастной?

– Нет, вот любовником ее я не был, но то, что он у нее был, это я знаю точно...

– Ты знал мужчину, с которым Валентина встречалась?

– Конечно... – улыбнулся Крымов усталой и ироничной улыбкой. – Я даже видел их вместе... Очень красивый мужчина.

– Странно... – подала голос Щукина, которая в это время пыталась раскурить набитую табаком трубку. – А я-то думала, что самый красивый мужчина в городе – это ты.

– САМЫЙ – это верно. Но я же сказал «очень красивый мужчина». Нет, кроме шуток: я видел их в ресторане. Мы с Валентиной сделали вид, что незнакомы. Она всегда поступала так, словно не хотела афишировать, особенно в таком людном месте, свои знакомства и связи.

– О ней кто-то ЗАБОТИЛСЯ? – спросила Юля.

– Думаю, что те, кто пытался сунуть нос к ней за ПРОЦЕНТАМИ, потом долго отмывали его от крови...

– Ничего не понимаю, – вздохнула совершенно сбитая с толку Юля. – Ты что, хочешь сказать, что она никому ничего не платила за «крышу»? Да в жизни не поверю...

Она знала, что говорит. Ведь если дело обстояло так, как предполагает Крымов, то Валентина, выходит, САМА ИМЕЛА ПРЯМОЕ ОТНОШЕНИЕ К ПРЕСТУПНОМУ МИРУ. Но каким образом?

– Ты еще скажи, Крымов, что Валентина – крестная мать, и сразу все встанет на свои места.

– Нет, она не была крестной матерью... Но вот крестный, который заботился о ее покое, несомненно, был. Посуди сама: откуда ей было взять начальный капитал для подобного бизнеса? Ведь она никогда и ничем не занималась, в отличие от своей дочери, которая шьет... Вот и думай.

– Но откуда ты все знаешь?

– А я бабник! Чем я занимаюсь в постели моих многочисленных любовниц? Во всяком случае, не тем, о чем ты только что подумала... Я, дорогие мои, собираю информацию. А кто, как не хорошенькие женщины, имеют доступ к этой самой информации? Так-то вот... Был бы Шубин посмазливее и ростом повыше, глядишь, и он бы рассказал тебе про Валентину...

– Ну и пошляк ты, Крымов, – не выдержала даже циничная Щукина, – ты хочешь сказать, что был в постели и с ней?

– Да ничего вы не поняли... Я бы умер, если бы удовлетворял всех своих дам, я даю им нечто большее, чем секс... Я дарю им свою любовь...

Шубин подошел к окну. Он вдруг вспомнил, как наблюдал поздно ночью с помощью бинокля за Щукиной... Сказать Юле об их свидании или повременить? А что, если она воспримет это лишь как способ настроить ее против Крымова?

– Кажется, это они... – Игорь увидел подъезжающую к крыльцу агентства черную «Волгу». – Точно, это они приехали... Судя по тому, – обратился он уже к Юле, – что нам сказал Крымов, завтра утром мы с тобой выезжаем в М. Поэтому советую тебе не тратить драгоценного времени и поехать домой, к Жанне... Поговори с ней, заодно приготовься к завтрашней поездке. Я заеду часов в пять. Хорошо?

– Мы поедем на твоей машине или на моей? А может, на двух?

– На моей. Свою поставь в гараж. Поторопись...

Едва он произнес последние слова, как в приемную, шумно отряхиваясь от снега, вошли двое довольно молодых мужчин, одетых почти одинаково: короткие дубленки и норковые шапки. Красные пухлые лица, осторожный взгляд, замедленные движения. Это были люди из провинции, которые в этой с шиком обставленной приемной немного оробели. И, лишь увидев знакомое лицо Шубина, попытались даже улыбнуться.

– Вы что – братья? – спросил Крымов. – Присаживайтесь...

Юля, поздоровавшись с мужчинами, извинилась и вышла из приемной. Она знала, что все, что сейчас расскажут они Крымову, ей потом перескажет Игорь, а потому даже обрадовалась, что у нее появилась возможность хотя бы немного отдохнуть и собраться в дорогу: на особые результаты разговора с Жанной она не рассчитывала.

Из машины она позвонила Жанне:

– Привет, Жанночка. Как ты там, освоилась?

– Освоилась... – услышала она радостный голос подруги. – Ты домой?

– Домой. Сейчас приеду. Можешь разогреть суп. Он в холодильнике. А я заеду в магазин, куплю что-нибудь к чаю... У тебя все хорошо?

– Да у меня-то нормально, а у тебя? Что-нибудь узнала про Марину или этого мужика с деньгами?

– Ну, положим, он уже без денег... Ведь они у тебя? Ты завернула их в пакет, как я тебе говорила?

– Конечно... зачем они мне?

Юля машинально отключила телефон, когда увидела бегущего к ней человека. Она даже на всякий случай заблокировала двери: мало ли?.. Сквозь крупные снежные хлопья, залеплявшие ветровое стекло, она все же разглядела лицо мужчины, который пытался открыть правую переднюю дверцу машины. Это был Борис. Как Дед Мороз, с белой, в снегу, бородой и красными щеками.

Она открыла дверь.

– Как хорошо, что я успел... – услышала она его приятный мягкий голос и взглядом пригласила его сесть рядом.

– Только отряхнитесь от снега, а то у меня такое ощущение, словно я повстречалась с настоящим Дедом Морозом... Что-нибудь случилось?

– А вы считаете, что нет? – ответил он вопросом на вопрос, усаживаясь. От него приятно пахло одеколоном. Или мужскими духами.

– От вас так хорошо пахнет.

– Неужели до сих пор чувствуется?

Она слушала его голос, смотрела на него и пыталась представить, в какой семье он рос, кто научил его так хорошо проговаривать каждое слово, так обаятельно улыбаться? И увидела его стоящим за мольбертом с кистью в руке; в комнате тепло, уютно, из кухни доносится аромат горячего теста; вот в комнату, где работает маленький Борис, заходит бабушка, тетушка или домработница с тарелкой, полной пирожков; Борис в толстом вязаном свитере на лыжах... Вот только его родителей она не успела себе представить.

...Она очнулась. Ей показалось, что она знает Бориса уже очень давно.

– Случилось что-нибудь ЕЩЕ? – повторила она свой вопрос. – Закройтесь хорошенько... Я тороплюсь, мне еще надо заехать в магазин, поэтому поговорим на ходу, хорошо?

– Как вам будет угодно. Собственно, я хотел поговорить с вами о Жанне. С ней что-то происходит в последнее время, и я очень боюсь за нее... Если бы вы только знали, в каком состоянии я нашел ее год назад, когда она потеряла мать... Это было запуганное насмерть существо с признаками... шизофрении... Я должен был сказать вам это. Да, я водил ее к врачу, и если бы не мое вмешательство, мои связи, неизвестно, где бы она сейчас была... Ее хотели отправить в психушку...

– Вы любите ее? – Юля и сама не знала, задала ли она этот вопрос Борису как представитель сыскного агентства либо просто как женщина, которая видит перед собой красивого мужчину.

– Конечно, иначе вы бы не увидели меня у нее дома, да и здесь...

– Вы хотите сказать, что она все выдумала про Марину?

– Даже не знаю, с чего начать... Все может быть...

– Сегодня я сама видела эту особу...

– Когда? – Он был искренне удивлен. – Сегодня? В котором часу?

– Утром, после того, как вы ушли. Она, представьте, дала стрелкача...

– И вы ее не догнали? Господи, да неужели действительно все так опасно?

– Пока ничего определенного сказать не могу. Вы не знаете, что еще произошло...

– Еще кто-то пришел?

Она рассказала ему про «сапоги».

– Так что, Борис, я вам благодарна за то, что вы пришли предупредить меня о ее расстроенных нервах, но, поверьте, они у нас у всех немного расстроены. Жанна – живой человек, и ей свойственно переживать. Ведь она любила свою мать... Вы, кстати, были с ней знакомы?

– Да, она ссужала меня деньгами, и я вернул их все, до копейки, правда, уже только Жанне... Но я ведь пришел рассказать вам еще кое о чем. Возможно, Жанна просто забыла об этом, но слишком уж много совпадений...

– О чем вы?

– Дело в том, что у Жанны была подруга, которую тоже звали Марина. Я пока вам больше ничего не скажу. Давайте сделаем так. Жанна ведь сейчас находится у вас?

– Ну да...

– Так вот. Вот приедете сейчас к ней и спросите, знает ли она Марину Козич.

– А кто такая Марина Козич?

– Я не об этом... Вы просто посмотрите на ее реакцию... Она будет плакать, у нее, возможно, начнется истерика...

– Что это вы такое странное мне рассказываете? Что вы-то сами знаете про эту Марину Козич?

– Я вам потом расскажу...

Машина остановилась. Юля, извинившись, пошла в магазин, оставив Бориса в машине. Вернувшись оттуда, нагруженная пакетами, она ждала, что он откроет ей дверцу, но так и не дождалась. Поставила пакеты на землю, открыла дверцу сама и, к своему удивлению, обнаружила, что в машине никого нет.

Глава 5

Незачем ждать весны. И все это чушь собачья про весну, про силу, которую она дает живым существам. Силу может дать себе сам человек. И кто знает, по каким законам природы эта самая сила появляется в его организме после демонстрации своей же, но ДРУГОЙ силы.

Можно с силой отжимать тряпку, тереть эмаль ванны, кафельные плитки пола... Выходит, и это тоже будет сила, да только какой от нее прок?

Он встал, промокнул рукавом рубашки пот со лба, потянулся, расправляя затекшие мышцы. И как это женщинам не надоедает постоянно мыть полы? Как это унижительно в конечном счете! Это ли не доказывает, что женщины, в сущности, низшие существа, а раз так, то не стоит и задумываться о смысле их жизни. Рождение детей, казалось бы, могло хоть как-то облагородить этих самок, так нет же, даже из этого они ухитряются строить свои ловушки, куда заманивают зазевавшихся и потерявших на миг контроль над своими желаниями мужчин.

Вода в белом пластиковом ведре стала неприятно бурой от крови. Как же мало ее оказалось в этом большом и тяжелом теле.

Она потом снилась ему. Кровь. Темная, медленная и густая. Она текла, как река, змеясь между берегов, и закипала у горизонта, пенилась, окрашивая розовыми бликами клубящийся в воздухе туман. Этот сон был самым прекрасным из всех его прежних снов, в которых он видел своих РОЗОВЫХ ЖЕНЩИН.

Эти сны, так же как переживания, связанные с уничтожением трупов и их если не погребением, так припрятыванием в какое-нибудь надежное место, отвлекали его от ДРУГИХ женщин, которые толпами ходили рядом с ним, словно стада молчаливых и глупых животных, для которых мужчины служили лишь покорными исполнителями их воли. Бог, обрекая женщину на муки во время родов, осчастливил их таким даром, какой и не снился мужчинам! Этот дар заключался в том, что любой женщине, возжелавшей мужчину, достаточно одного движения, чтобы отдаться ему, в то время как мужчине для того, чтобы овладеть женщиной, необходима та самая сила, без которой он не может почувствовать себя по-настоящему мужчиной. И самое несправедливое заключается в том, что эта самая сила не зависит ни от его разума, ни его физического состояния, ни от чего... И тем обиднее, что мужчина не может совершенствоваться в этом направлении, как бы он этого ни хотел. Это женщина может придумывать все новые и новые способы соблазнения мужчин, пуская в ход все, что может пробудить в них желание, начиная от кружевных чулок и кончая кроваво-красной помадой. А вот мужчина может позволить себе какое-то разнообразие лишь при условии, что в его заветную плоть вторгается, распирая ее и делая упругой, до блаженного затвердевания, кровь другого свойства; кровь животворная, волшебная, обладающая свойством густой и горячей смолы, делающей мужчину мужчиной...

Однажды он кинул в женщину нож. Прямо в спину. Не попал и убежал. Тогда ему было чуть больше двадцати пяти.

Он не был знаком с ней, просто она шла мимо и имела глупость призывно улыбнуться ему... Она неосознанно, как это присуще всем женщинам, хотела пробудить в нем желание. И пробудила. Но только не то, на которое она рассчитывала. Желание УБИТЬ ради того, чтобы просто убить, охватило его со страшной силой, заставило достать из кармана перочинный нож, раскрыть его и швырнуть изо всей силы ей в спину...

Он даже вскочил со скамейки и бросился вслед за женщиной, чтобы увидеть, как острое лезвие вонзится в ее розоватую, прикрытую белой полупрозрачной тканью платья плоть...

Но нож, слегка коснувшись спины, упал на землю, а женщина, обернувшись, удивленно посмотрела на него и пожала плечами. Она просто не увидела ножа. Трудно себе представить, что было бы, если бы она его увидела!

Так длилось невыносимо долго, пока он не встретил ЕЕ – женщину, буквально вытащившую его из теплого болота отчаяния, в которое он погружался все глубже и глубже. Почему болото? Да потому, что процессы, происходившие в нем, соки, бродившие в его теле, не находя выхода, представлялись ему зловонной жижой, которая образуется в белковом организме в процессе гниения. Он не мог иначе воспринимать свое тело, которое он ненавидел и которое неизвестно чего хотело. Ненавидел и свое лицо, изрытое садистом-косметологом, которому он доверил однажды свою забродившую кожу. Ненавидел свои руки, особенно ладони, предательски потеющие в момент прикосновения к женщине...

Она называла себя Евой. В первый же день их знакомства она увезла его подальше от людей, на остров, где было тепло и солнечно, где никто не мог подсматривать за ними, и окружила его такой заботой и пониманием, что он подумал, что умер. Потому что никогда еще солнце не приносило ему то блаженное тепло, в котором он купался эти три счастливых дня. Он не знал, зачем ей понадобился он, НЕмужчина, он так и не понял этого никогда. Должно быть, природа женщины оказалась не столь примитивна, как он себе это представлял. И этой Еве понадобился для ее любовных ласк именно он, изгой, больной, в сущности, человек...

На второй день их жизни на острове – а жили они в одном из пустующих заброшенных домиков, где хозяйничали одни ужи и мыши, – он почувствовал то, о чем уже и не мечтал. Он взял Еву рано утром, затем в полдень, когда они лежали, разморенные после сытного обеда, состоящего из свежего хлеба и теплого закисшего молока (ровно в двенадцать к берегу приставала лодка со стариком, который привозил им еду), и перед сном, за час до полуночи...

Он ждал, когда наступит пробуждение, и просто неистовствовал, потому что оно не наступало. Он понимал, что в реальной жизни Евы быть не может, что он сам родил ее своим мозгом, своим телом, своей кожей специально для себя, для

своих услад... Как же он был потрясен, когда однажды вечером старик приехал за ними и увез их на станцию, откуда они уплыли на маленьком пароходике в город...

Город и Ева – это не вязалось с рассудком. Что ей делать, этой солнечной женщине, в сверкающем бриллиантами ночных огней городе?

– У тебя есть телефон? – спросила она будничным голосом перед тем, как сесть в такси.

– Есть, – ответил он, понимая, что теряет ее навсегда.

– Скажи мне, я запомню...

Она стояла во всем светлом, тоненькая, загорелая, и ветер трепал ее золотистые волосы... Красные блики от рекламных огней играли на ее открытой груди. Желание сжигало его.

– Ты не исчезнешь?

– Да нет же... Позвоню, и мы с тобой встретимся.

– А у тебя есть телефон?

– Есть, но только он сейчас не работает. Глупый... – она ласково провела рукой по его щеке и поцеловала. – Завтра же позвоню.

Пожалуй, с этого дня он и начал раздваиваться. С одной стороны, он это осознавал, потому что, стоило ему вернуться в свою квартиру, полную предметов, которые могли напомнить ему о его прошлой жизни, как он понял, что вот оно – ПРОБУЖДЕНИЕ. Наконец-то он проснулся и вновь оказался в своей коже. Но, с другой стороны, в его квартире что-то изменилось, даже лампы над головой светили ярче прежнего. Новый Адам, возлюбленный своей Евы, обладал завидным аппетитом, который проснулся в нем еще там, на острове. Кроме этого, он очень полюбил воду и теперь подолгу лежал в ванне, полной пены. Ему нравилась чистота, потому что она напоминала ему чистую и солнечную Еву, чья белоснежная кожа была шелковистой и нежной, стоило к ней только

прикоснуться... И даже потом, когда она подрумянилась на солнышке и уже к вечеру третьего дня приобрела золотистый загар, все равно она была такой чистой, что напоминала бледное, матовое золото...

Адам много работал, в отличие от того, кем он был раньше. Он был переполнен новыми идеями, силами и вдохновением. Его вечно заспанный и дурно пахнувший, обуреваемый неясными желаниями Двойник относился с подозрением к тому, что творил Адам.

Наконец, к Адаму приходила Ева, и они вместе наслаждались друг другом, подсмеиваясь над подсматривающим за ними Двойником, спрятавшимся под столом и находившимся в прямом смысле в УНИЖЕННОМ СОСТОЯНИИ.

...Он уложил то, что осталось от Лены, в плотную холщовую прорезиненную сумку с деревянными ручками, остальное – в большой полиэтиленовый пакет и все это вынес на балкон. На мороз. Но потом, передумав, внес сумку обратно в комнату, достал с антресоли отцовские резиновые сапоги.

Сел, подперев рукой щеку, и уставился на них. Образ, который он придумал, рассмешил его.

* * *

– Я уж думала, что ты не придешь... – встретила ее Жанна в дверях, принимая пакеты с провизией. – Ну и работенка у тебя – мрак! Ты что, каждый день так поздно домой возвращаешься?

Юля отметила про себя, что Жанна выглядит уже не такой перепуганной, как утром. Хотя, судя по ее осторожному взгляду и плохо скрываемой скованности, чувствовала она себя в непривычной обстановке неуверенно.

– А у тебя здесь хорошо... уютно.

– Значит, так, Жанна. Завтра рано утром я уезжаю из города. В М. За мной заедет Игорь. Так что поживешь пока одна, без меня. У меня мало времени, мне необходимо собраться, поэтому помоги мне, пожалуйста, приготовить ужин и что-нибудь съестное на дорогу. Вот здесь есть замороженные отбивные, их, я

думаю, можно поджарить, завернуть в фольгу и сунуть в какой-нибудь пакет... Игорь любит поесть в машине, к тому же ему утром негде будет позавтракать, я его знаю...

Она вдруг поймала себя на том, что эту ночь будет спать одна, без него, и улыбнулась своим мыслям: интересно, думает ли он сейчас о ней? Вспоминает ли, чем они занимались прошлой ночью?

Она и не заметила, как замолчала, уставившись в одну точку, в то время как Жанна деловито разбирала пакеты, рассовывала продукты по полочкам в холодильнике.

– Да здесь еды на целую роту... – пробормотала гостя еле слышно, боясь потревожить задумавшуюся Юлю.

– Ты что-то сказала? – очнулась Земцова и, как заведенная, принялась бегать по квартире в поисках необходимых в дороге вещей. В кресло полетели свитеры, джинсы, белье, мыло...

– А как же я? – вдруг произнесла расстроенным голосом Жанна. – Может, и меня с собой возьмете? Как же мне быть?

Она возникла на пороге комнаты, и тотчас из кухни потянуло запахом жареного мяса.

– Скажешь своему Борису, чтобы тоже на время перебирался сюда. Ты не переживай, Жанночка, я обязательно разберусь с твоим делом, – говорила Юля, не поднимая головы и делая вид, что старательно складывает свитер в сумку. – Но только в том случае, если ты мне поможешь и скажешь, зачем к тебе приходила эта женщина?

– Но как? – всплеснула руками Жанна в отчаянии. – Каким образом я могу узнать, что нужно от меня этой Марине?

– Марине? Какой Марине? МАРИНЕ КОЗИЧ?

У Жанны из рук выпало полотенце. Она какое-то время не могла произнести ни слова. Широко раскрытыми глазами она смотрела на Юлю, словно не понимая, услышала ли она это имя на самом деле или ей это показалось... Образ Юли никак не ассоциировался с тем кошмаром, который ей пришлось пережить буквально месяц тому назад. Но как? Откуда она могла узнать про Козич?

Она молчала. Смотрела Юле в глаза и молчала, словно пыталась выяснить для себя, не показалось ли ей все это? Ведь никто, никто, кроме одного человека, которому она доверяла больше всего на свете, не мог знать про Козич.

– Ты побледнела, что с тобой? – с трудом услышала она слова Юли. Жанна несколько минут пребывала в том странном состоянии, которое случается с человеком, словно бы увидевшим себя со стороны. Время останавливается, некоторые органы отказываются воспринимать действительность и предательски подсовывают другое измерение, делая окружающие предметы плоскими, а звуки – глухими и упругими, едва различимыми... «Вероятно, – подумала Жанна, – это связано с давлением. Или с нервами».

Она очнулась и тряхнула головой. Запах! Ее привел в чувство запах подгоревшего мяса.

На кухне все было синим от дыма. Жанна выключила огонь под сковородкой, быстро перевернула отбивные и бросилась к окну, чтобы распахнуть форточку.

– Ну что, есть можно? – В кухню вошла Юля и спокойно села за стол, словно не замечая едкого дыма и почерневших кусков мяса на сковороде. – Бедный Игорь, придется ему обойтись бутербродами с колбасой. Да ты не расстраивайся так. Подумаешь, отбивные! Успокойся... Да ты никак плачешь?

Жанна и правда плакала, закрыв лицо ладонями. Она сидела за столом, напротив Юли, и раскачивалась всем телом.

– Брось... Ты мне лучше расскажи про эту Козич. Кто она такая?

Жанна отняла руки от лица и теперь смотрела на Юлю полными слез глазами. Лицо ее выражало крайнюю степень растерянности.

– Сначала скажи, откуда тебе известно про Козич.

– Не могу. Да это и не важно. Так кто такая Козич?

– Моя приятельница.

– Давай перейдем в комнату, ты успокоишься и все мне расскажешь. Хочешь, я дам тебе успокоительных капель?

* * *

Марина Козич пришла к ней в начале декабря. И если существует на свете сила, которая вмешивается в человеческую жизнь, когда хочет словно бы предупредить или помешать свершиться чему-то на первый взгляд очень важному и долгожданному, то именно она и подтолкнула в спину несчастную Козич, которая пришла к Жанне именно в тот момент, когда они с Борисом впервые решили сблизиться физически. Эгоизм, заложенный в каждом человеке, выплеснулся сразу, едва зазвенел звонок в прихожей, – он, этот самый эгоизм, засветился в глазах Жанны, которая, открыв дверь и увидев перед собой подругу, не смогла проконтролировать свой взгляд, выражавший одновременно и досаду, и смущение, и растерянность, и желание избавиться от гостьи как можно скорее...

На ней был тяжелый синий бархатный халат, под которым ничего, кроме разгоряченного ласками Бориса тела, жаждущего продолжения любовных игр, не было. Она была даже босиком, а потому не могла разговаривать с Мариной долго. Разве что, извинившись, вернуться в спальню, чтобы обуть домашние тапочки, и только после этого выслушать подругу, которая наверняка пришла в половине одиннадцатого вечера НЕСПРОСТА.

– Привет, можно к тебе? – спросила своим нежным и тоненьким, совсем как у девочки, голосом Марина, входя в прихожую и по привычке снимая шубу. Не дожидаясь ответа, она разулась и прошла на кухню, словно и не замечая застывшей с неприязненным выражением на лице Жанны. – Мне нужно срочно поговорить с тобой.

Марина преподавала в школе, расположенной всего в двух кварталах от Жанниного дома, физику. Высокая, хрупкая, светловолосая, с большими удивленными глазами (выражение хронического удивления придавало ей природное строение лица: приподнятые брови, вздернутый нос, маленький безвольный подбородок и тоненькие ниточки-губы), она была инфантильна не только внешне, но и внутренне. Светло воспринимая жизнь и обожая детей, она источала вокруг себя тепло и всем дарила улыбку, без которой просто невозможно было представить Марину Козич. Все конфликты между учителями решались с ее помощью. Она умела так поговорить с каждой женщиной (а педагогический коллектив состоял исключительно из молодых преподавательниц), найти такие слова убеждения, что лишался смысла как сам конфликт, так и желание найти виноватого. В школе поговаривали, что Козич собирается пойти в монастырь, и это воспринималось всеми вполне естественно, хотя все желали бы обратного – никто и представить себе не мог их коллектив без Марины. Однако ни в какой монастырь она не собиралась, так, во всяком случае, она говорила Жанне, с которой дружила и которой чувствовала себя обязанной. Дело в том, что в школе платили мало, и Жанна, зная об этом, обшивая Марину, брала с нее полцены. Их дружба носила несколько поверхностный характер, потому что слишком уж они были разные. Марина – человек, просто созданный для того, чтобы утешать ближнего, довольствовалась уже тем, что Жанна относится к ней по-доброму, а потому считала своим долгом, забежав на часок-полтора, сказать Жанне несколько приятных слов, выслушать ее, дать совет, успокоить, если у той случались неприятности. Жанна же, в отличие от нее, утешать не умела. Если у нее самой было все в порядке, она испрашивала совета у Марины для ДРУГИХ своих приятельниц или просто клиенток, при этом делая вид, что просто рассуждает на общие темы. Ее поражала точность, с которой Козич могла безошибочно спрогнозировать ход событий, касающихся той или иной жизненной ситуации. Словно все они представляли собой хорошо проанализированные СЮЖЕТЫ-КЛИШЕ, варианты выхода из которых всегда были у нее наготове.

И все же было нечто объединявшее их чисто в психологическом плане: обе были скрытны, как морские раковины. Жанна мало что знала о Козич, Марина же никогда не пыталась влезть в душу Жанне. Словно они друг перед дружкой делали вид, что вполне счастливы и довольны своей жизнью. И пусть даже эти отношения складывались в форме игры, целью которой для обеих служило стремление продемонстрировать свою самодостаточность, все же это была действительно дружба. Ведь каждая из них старалась внести в жизнь другой только светлое, доброе, пусть даже и с оттенком сентиментальности.

Марина Козич хорошо вышивала и к каждому празднику дарила Жанне то конверт для носовых платков, вышитый крестиком, то банное полотенце с вензелем «Ж», то кухонную салфетку с вышитыми цветами. Из-за постоянного отсутствия денег она была лишена возможности покупать в подарок Жанне дорогие конфеты, которые сама очень любила, а потому нередко готовила самодельные конфеты из сухого печенья, сгущенного молока и какао.

Жанна, напротив, ограничивалась покупными подарками: духами, конфетами, наборами мыла или бесплатно шила для Марины юбку или платье.

И все же главное, что сближало Марину и Жанну до последнего времени, было отсутствие в их жизни постоянного мужчины. Жанна знала, что Марина одна. Если ее и приглашал кто-нибудь из мужчин в кино или в театр, это становилось для нее настоящим событием в жизни. Личная жизнь Марины не складывалась, и причин этому могло быть много. И первая – непохожесть Марины на своих сверстниц, сложность восприятия реальности, нежелание быть другой, более раскованной, доступной для мужчин и, как ни странно, глупой. Она не хотела играть в дурочку, как это любили мужчины, она желала оставаться самой собой: внешне самодостаточной и засекреченной изнутри. Разумеется, она не могла не презирать мужчин вообще, и особенно тех, кто пренебрег ею, но говорить на эту тему было для нее настоящей пыткой. Другое дело, когда речь шла о конфликтах между другими мужчинами и женщинами, о которых ей рассказывала Жанна. Вот здесь Марина не скупилась на точные и конкретные определения, какими бы жесткими по отношению к мужчинам они ни были. И Жанна соглашалась с ней. Ведь она тоже была одна. Без мужчины. Быть может, поэтому, когда в ее жизни появился красавец Борис, она почувствовала себя чуть ли не предательницей по отношению к Марине. Она не представляла, как будет себя вести и что говорить, когда Марина узнает об их романе. Ведь отношения Жанны с Борисом были настолько сложны, что говорить о том, как они сложатся дальше, было явно преждевременно. И как же тогда она смогла бы объяснить причину, по которой позволяет МУЖЧИНЕ ЖИТЬ У НЕЕ ДОМА?! Пусть даже на первых порах они ночевали на разных постелях, шаги к сближению, разумеется, были.

Порой Жанна брала себя в руки, и в такие минуты даже сама мысль о том, что ей придется что-то объяснять Марине, раздражала ее и приводила в недоумение. С какой стати? Зачем? И какое кому вообще дело до ее личной жизни? Спит она с Борисом или нет – это касается только ее, и никто не вправе вмешиваться в сокровенные тайники ее интимной жизни. Да, она, пожалуй, в какой-то мере

похожа на Марину своим презрительным отношением к мужчинам, но это не значит, что она должна оставаться одна. Пусть все идет как идет, и это даже хорошо, что их отношения с Борисом развиваются постепенно, во всяком случае, у нее будет возможность получше узнать его, привыкнуть к тому, что он рядом.

И все-таки разговор с Мариной произошел. Короткий, но не очень приятный. Вернее даже, совсем неприятный.

Они столкнулись в дверях – Борис и Марина. Когда она пришла, он уже собирался уйти. Жанна их познакомила – это длилось несколько минут, не больше, – после чего подруги остались в квартире одни. Несколько вопросов, на первый взгляд обычных в таком случае, подразумевали соответствующие ответы. Да, Жанна, как могла, ответила на них. Да, Борис – это ее пассия. Да, он иногда ночует здесь. Да, она влюблена в Бориса. Да, впереди – неизвестность. Ну и что? А все равно на душе после этого разговора остался неприятный осадок.

«Я где-то его видела», – сказала Марина и довольно-таки неуклюже сменила тему разговора.

Видела и видела, их город не такой уж и большой, поэтому все когда-то и с кем-то виделись.

После этого разговора, этой встречи, они долго не встречались. Все трое. То есть Жанна не видела Марину, да и Борис куда-то исчез, как потом выяснилось, он уезжал на этюды. Ему удалось выгодно продать их в художественном салоне, и он принес Жанне деньги.

Все складывалось на редкость хорошо, жизнь ее постепенно стала приобретать некую семейно-сексуальную привлекательность; все шло к тому, чтобы их обоюдное с Борисом желание сблизиться наконец сбылось.

Они спали вместе, но дальше нежных объятий и ласковых поползновений не пошли. Словно оба боялись чего-то. Жанна, вспоминая свои редкие разговоры с матерью о мужчинах, о том, как сложно они устроены, и как хрупка их нервная система, особенно когда речь идет о сексуальных отношениях, и как похожи они на детей, старалась сделать все, чтобы не ущемить мужское достоинство Бориса. Она делала вид, что и сама как будто бы рада, что снова все прошло КАК

ВСЕГДА. И в другой раз она поступала так же.

И вот наконец настал вечер, когда они, отбросив всякую стыдливость, позволили себе забыться, отдаться друг другу, расслабиться, дать волю инстинкту. И за мгновение до сладостного момента соединения вдруг раздался этот неожиданный и резкий, до одури, настойчивый звонок в дверь.

Это была она. Марина Козич.

Жанна стояла босиком и не знала, как себя вести. Ведь в спальне ее ждал распаленный и готовый к любви Борис, а в дверях, страшно смущаясь и всем своим видом извиняясь за столь поздний визит, стояла несчастная и напуганная Марина, глядевшая на нее как на последнее спасение. Или ей это только показалось?

– Мне нужно срочно с тобой поговорить.

Все тот же тоненький голос, мольба в глазах, и только непонятно откуда вдруг взявшееся упорство, с которым она прямо-таки рвалась на кухню. Ведь она, даже не дождавшись ответа, готова ли Жанна принять ее или нет, вошла туда и села за стол. Скрестила свои покрасневшие, должно быть от мороза, руки, переплела длинные, костлявые, худые пальцы и уставилась в одну точку.

– Что-нибудь случилось? – спросила из вежливости Жанна, запахивая плотнее халат и присев на стоящий рядом табурет. – Уже поздно...

– Извини, – Марина продолжала упорно рассматривать противоположную стенку. Она не смотрела на Жанну, словно все еще находилась во власти того, из-за чего, собственно, и пришла. – У меня нехорошие предчувствия...

– Что-нибудь на работе?

– Нет.

– С родителями?

– Нет. Все не то, не то... Даже не знаю, как это тебе сказать...

Тут она повернулась и схватила Жанну за руку. Крепко сжала ее.

– Можно я у тебя переночую?

Жанна не знала, что ответить. Она просто сидела и молчала.

Вдруг Марина принюхалась и, не отпуская руки Жанны, притянула ее к лицу.

– Духи? Ты что, вымыла руки духами? Что это за духи? Такие крепкие...

– Это... духи... моей мамы. Пролились... – соврала Жанна. Не могла же она признаться в том, что это Борис в течение долгих минут протирал ее тело тампоном, смоченным в духах. Он говорил, что его это возбуждает. А запах действительно был восхитительный, хотя и резкий... Чересчур. Да и что было не ЧЕРЕСЧУР? Все! Все, включая ласки и смелые слова...

Она очнулась, когда Марина была уже в прихожей и надевала шубу.

– Ты не одна, я все понимаю... Извини...

И она ушла.

А утром следующего дня Жанне позвонила их общая знакомая и сказала, что Марину убили. Выстрелом в голову. Что тело ее нашли неподалеку от ее дома, на мусорной свалке.

* * *

– И это все? – Юля ласково потрепала ее по плечу. – И ты теперь казнишь себя, думаешь, что во всем виновата ты? Да выкинь ты все это из головы... Я уж думала, что правда... Пойми, то, что с ней произошло, – простое стечение обстоятельств, и ты здесь совершенно ни при чем. А за что ее убили и кто, неизвестно?

– Нет, никто ничего не знает. Милиция просто сбилась с ног. Ведь она была человеком, которого просто НЕ ЗА ЧТО УБИВАТЬ. Понимаешь, у нас у всех есть какие-то грешки, мы все на протяжении жизни совершаем ошибки, проступки... Но только не она. Марина Козич была необыкновенной девушкой, от нее исходил свет. Она была как святая. И в тот вечер, когда она пришла ко мне, мне показалось, что я грешница, великая грешница, потому что мы с Борисом позволили себе тогда многое... Правда, ДО ее прихода. Потому что после того, как Марина ушла от нас, конечно же, все расстроилось. И в физическом плане... тоже.

Жанна покраснела. Опустив взгляд в тарелку, она рассматривала кусочек мяса до тех пор, пока туда не капнула первая слеза.

Юля стояла у окна и пыталась представить себе эту «святую» учительницу по фамилии Козич.

– А знаешь, что я тебе скажу? Просто из личного опыта.

Жанна подняла лицо, взяла со стола салфетку и промокнула заплывшие черной размокшей тушью глаза.

– Ты, судя по всему, идеалистка, но в жизни почему-то чаще всего происходит все наоборот... Я имею в виду Козич. Как правило, такие святоши оказываются своей полной противоположностью. Это чисто психологические дела: то, чего недостает человеку внутри, он пытается продемонстрировать снаружи. К примеру, он в душе – подлец, плетет за спиной других интриги, сталкивает людей лбами и наслаждается результатами содеянного, а внешне всем улыбается, и, как ни странно, все принимают его за порядочного человека; или, скажем, его место за решеткой – а он, чистенький и аккуратненький, руководит большим количеством людей... И так было всегда. И не смотри на меня так... Я говорю правду.

– Какая же ты бессердечная... Как ты можешь говорить такое про Марину?!

– Извини, но я ее не знаю. Я лишь предполагаю, что она могла оказаться вовсе не тем человеком, которым вы все привыкли ее считать. Вполне вероятно, что у нее была ВТОРАЯ жизнь. Ты понимаешь меня? Вот скажи мне, пожалуйста, что ты знаешь о ее личной жизни? Уверена, что НИЧЕГО. Просто-таки абсолютно

ничего.

– Ну и что? Она не обязана была мне рассказывать о своих... – Она запнулась и шумно выдохнула, словно разговор приносил ей физические страдания. Видно было, что она настроена до конца защищать свою погибшую подругу. – У каждого человека есть свои сокровенные тайны, были они и у нее, конечно же... Но ей не везло. Ей встречались чаще всего подлецы, которым она верила. Хотя, может, и не подлецы, а просто мужчины, которым не нужна была такая сложная и открытая женщина...

– Что значит «открытая»?

– Понимаешь, она говорила что думала. Все свои чувства и отношения к мужчине выражала непосредственно, с легкостью, за что, наверное, и поплатилась... Мужчины не любят таких.

– Я постараюсь узнать об этой Козич по своим каналам. Может, что-нибудь и прояснится...

Она хотела было сказать Жанне, что появление в ее жизни зечки может быть связано именно с Козич, но промолчала: как могла она заподозрить ее в психическом расстройстве, замешанном на комплексе вины перед Козич, если сама Юля ВИДЕЛА эту зечку своими глазами?!

– Ладно, утро вечера мудренее. Пойдем спать. Посуду мыть уже нет сил, утром, как встану, помою. А ведь у меня завтра тяжелый день... Представь, в такую погоду, в холод-метель, мчаться по трассе куда-то в тмутаракань, чтобы искать убийцу... Я никогда, никогда, понимаешь, не пойму этих больных людей, обреченных приносить людям смерть и страдание. Словно это миссия на них возложена такая. Но кто ее мог возложить, если не сам дьявол?..

* * *

У них с Шубиным было всего несколько минут, чтобы побыть вдвоем. Он заехал за ней на машине, в которой уже сидели Трубников и Кириллов. В салоне пахло перегаром, и Шубин попросил мужчин на то время, пока он будет отсутствовать, открыть окна и проветрить салон.

Он вошел в подъезд и почувствовал, что ему приятно даже видеть эти стены, эти ступеньки, по которым ходит Юля. Поднимаясь, он произнес ее имя вслух и, замерев на мгновение, прислушался, словно из самого звука могло родиться видение: она, спускающаяся ему навстречу...

Игорь всю ночь промечтал о том, как они будут жить вместе. В том, что эта женщина создана для него, он уже не сомневался. Более того, он вообще не понимал, как он мог жить, не видя ее?

Он остановился перед дверью и прислушался. В подъезде было очень тихо. Пять утра. Он решил не звонить, чтобы не разбудить Жанну. Но не столько из чувства заботы о ней, сколько из-за своего эгоистичного желания побыть с Юлей наедине хотя бы пару минут. Несколько раз постучав указательным пальцем по дверному косяку, он снова прислушался.

Дверь почти сразу же открылась, и он увидел не заспанную, а свежую и бодрую, уже в свитере и джинсах Юлю. Увидев Шубина, она улыбнулась и приложила палец к губам.

– Тсс... Она спит. Заходи, выпьешь чашку кофе, съешь отбивную, а то куда не поедешь... Ты ведь не завтракал?

Он обнял ее и прижал к себе, зарываясь лицом в теплую волну волос и вдыхая в себя нежный аромат духов.

– Игорь, я и так-то не хочу куда ехать, а ты еще больше разлагаешь дисциплину... Ну нельзя же так. Думаешь, мне не хочется сейчас вернуться в постель и выпаться с тобой рядышком? – шептала она ему на ухо, ловя себя на том, что почему-то не воспринимает уже Игоря прежним Шубиным. Что-то с ней произошло непонятное, словно заменили-освежили сердце... Оно и биться-то в его присутствии стало чаще, взволнованнее. – Я сегодня долго не могла уснуть, вернее, мы... Все говорили с Жанной. Но так ничего и не придумали. Особенно меня насторожил тот мужик, который принес ей деньги. Кстати, сейчас надо будет заехать к Щукиной и отдать ей пакет с деньгами, чтобы она сняла отпечатки пальцев.

– Завезем лучше в агентство, – предложил Шубин, подозревающий, что Щукина и эту ночь провела у Крымова. – А вдруг она снова с Чайкиным? Еще так рано, пусть поспит... Оставь ей записку, а ближе к вечеру позвонишь, может, она что-нибудь уже успеет узнать.

Все это они говорили, прижавшись друг к другу в прихожей, пока Юля не отпрянула от него, взяла за руку и повела на кухню.

– Нас, конечно, мало, – сказала она, включая кофеварку. – Жаль, что Крымов такой бездельник и аферист... Мог бы, между прочим, заняться делом Жанны, а заодно навести справки о Борисе. Понимаешь, он слишком красив для Жанны. А красивые мужчины меня всегда настораживают. Я просто уверена, что у него был роман с Козич...

И Юля в двух словах рассказала ему про Марину.

– Как ты думаешь, могла твоя Жанна ПРИДУМАТЬ эту зечку?

– Могла-то могла, но я ведь и сама ее видела.

* * *

Заехали в агентство, оставили пакет с деньгами и записку Щукиной.

– Главное, чтобы Крымов не принял их за гонорар, – заметил Игорь.

– Не примет, я же ей все подробно написала. Хотя вид денег всегда вызывал в Крымове трепет.

В машине Шубин расспрашивал своих неразговорчивых пассажиров о Наташе Литвинец, узел с вещами и отрезанным ухом которой подкинули на крыльцо Вите Ерохину.

– Гуляющая она была, но все равно хорошая баба, – отозвался Роман Трубников низким хриловатым голосом. Это был крупный краснолицый мужчина с грубыми и резкими чертами лица. Горе проложило несколько глубоких морщин на его

широком крепком лбу, образовало черные мешки под глазами и опустило уголки полных светлых губ.

Юля, слушая его, подумала о том, что Игорь нарочно именно сейчас начал говорить с мужчинами об этом, чтобы постепенно ввести ее в курс дела.

– Что значит «гулящая»? – спросил Шубин, делая вид, что Виктор Ерохин ничего ему о ней не рассказывал.

Игорь провел ночь в компании этих малознакомых людей, мучаясь бессонницей и чувством страшной несправедливости к его нарождавшемуся счастью с Юлей. С какой стати он оставил у себя на ночь этих несчастных мужиков, выложивших Крымову свои, быть может, последние деньги за то, чтобы нашли их дочерей, вместо того чтобы отправить клиентов ночевать в гостиницу или позволить им переночевать в агентстве, в специально отведенной для этих целей комнате? Разве не имеют работники крымского агентства права на личную жизнь? И зачем это понадобилось Юле ночевать с Жанной, если она могла выспаться в кровати Шубина? Неужели и здесь приложил свою руку Крымов? И это при том, что сам-то он спит с кем хочет...

– Гулящая? Это значит, что она была баба веселая, любила выпить, хорошо пела, мужчин любила, ну и они ее соответственно...

– А не могла она уехать с каким-нибудь заезжим мужчиной?

– Нет, не могла. Она любила Ерохина, и об этом все знали. Вы же сами его друг, так чего же спрашиваете? – Роман пожал плечами. – Другое дело, что на кой ему нужна была такая баба? Хотя и он к ней, конечно, питал нежные чувства. Да что говорить... – Он махнул рукой. – Она же такая красивая была, молодая, никто из мужиков не мог спокойно на нее смотреть... Я и сам, грешным делом...

Его приятель, Кириллов, внешне более холеный мужчина, дернул его за рукав: мол, болтаешь лишнее. И Трубников замолчал, вспомнив, очевидно, что Литвинец все же пропала и если вдруг выяснится, что ее убили, то его слова тем же Шубиным могут быть восприняты уже иначе, чем признание в легкомыслии...

– Может, ее видели с кем? Я имею в виду не Ерохина, конечно, а кого-нибудь чужого, не местного, – продолжал расспрашивать Игорь, устремив глаза вперед,

на дорогу, едва заметную в густом молочном тумане, от чего создавалось впечатление, словно они, все четверо, мчатся по небу, разгоняя облака.

– Видели, – наконец подал голос Кириллов. – Многие видели ее с чужим мужиком, да только никто его не знает, мы уж расспрашивали.

– А как он выглядит: молодой или старый?

– Старыми она не интересовалась. Молодой мужчина, прилично одетый, похож на артиста...

– Вот даже как? – удивилась Юля, внимательно прислушивавшаяся к разговору. – А почему именно на артиста?

– Не знаю, – вздохнул Кириллов. – На нем плащ был почти белый, длинный...

– А я его видел в куртке светлой или ветровке... – сказал Трубников.

– А ваши дочери в те дни, когда вы видели этого человека, где были: в М. или в городе, в институте?

– Моя-то в училище швейном учится, не в институте. Так вот, ее дома точно не было, это я хорошо помню, иначе она бы увидела этого парня на дискотеке.

– И моей тоже не было, – дрогнувшим голосом проговорил Кириллов, – Дина в город поехала, как раз после выходных...

– А у Дины был парень, приятель в М.?

– Был, он и сейчас есть. Да только он ни при чем, он хороший парень, Дима, он любил Динку... Подозревать его – все равно что меня или нашу мать...

– Предлагаю начать с Димы, – сказала Юля, мысленно прикидывая план действий и постепенно втягиваясь в новое дело. Это было довольно сложно, поскольку голова еще была забита Жанной, ее проблемами и теми странностями, которые происходили с ней в последнее время. – Мы, кажется, подъезжаем...

* * *

Машина ворвалась в новую плотную полосу тумана; по обеим сторонам дороги белели роскошные, просто-таки сказочные пейзажи – заиндевевшие деревья, округлые редкие кусты с голубыми тенями на ровном туманно-белом снегу и небо, словно отражение земного великолепия. Показались заваленные снегом особняки, затем целые улицы частных домишек, потянулись деревянные заборы...

Игорь развез своих клиентов по домам, договорившись встретиться с ними вечером, записал номера их телефонов, и они с Юлей поехали к Диме Ангелову.

Было семь утра, он наверняка должен был находиться дома.

Двухэтажный старый дом, загаженный кошками подъезд, обшарпанная деревянная дверь грязно-желтого цвета.

Шубин позвонил.

– Слушай, как можно жить в таком свинарнике? Кажется, что все м-ские кошки собираются здесь, чтобы справить нужду... А стены, ты только посмотри на эти стены! Словно они побывали под артобстрелом. Что-то тихо, может, его нет дома? Я даже не спросил, с кем он живет. Скорее всего с родителями. Тсс... Кажется, кто-то идет...

Послышался звон ключей, затем голос:

– Кто там?

– Мы к Дмитрию Ангелову, откройте, пожалуйста. Это из милиции...

Стало совсем тихо.

– Кажется, нас не хотят пускать.

И тут дверь распахнулась, и они увидели высокого черноволосого парня в спортивных штанах, пузырящихся на коленях, и черном тонком свитере. Он смотрел на незнакомцев, которые потревожили его, с вызовом и одновременно болью. С первого взгляда Юля поняла, что видит перед собой психически травмированного человека: слишком бледным было его лицо, слишком бегавшим взгляд, слишком обреченной даже сама поза...

– Это вы – Дима Ангелов?

– Я. Проходите. – И он, не глядя на посетителей, впустил их в свою квартирку.

Крохотная, захламленная, она выдавала Диму с головой. Здесь были книги, огромное количество книг, явно списанных из местной библиотеки, поскольку даже беглого взгляда Юле хватило на то, чтобы определить, насколько подборка бессистемна, случайна. Ветхие книжонки научно-популярной литературы здесь соседствовали со старинными французскими романами Шарля Нодье и Вилье де Лиль Адана, а физико-математические сборники задач лежали поверх стопки филологических учебников Розенталя. Романы Жозефины Тэй и Дэвида Вейса с его знаменитым романом «Убийство Моцарта» были разложены на письменном столе подле юридических книг типа «Адвокатуры», «Сто лет криминалистики» и «Справочника следователя». Судя по всему, именно эти последние книги и являлись на данном этапе его жизни НАСТОЛЬНЫМИ в прямом смысле.

ОН БОЯЛСЯ. Страх сквозил во всем, начиная с его походки, опущенных плеч и видимой дрожи в руках. Хотя внешне Дима был симпатичным парнем.

Шубин представился, затем представил Юлю.

– Понимаешь, мы должны найти того, кто виноват в том, что девушки исчезли... Ты ведь знаешь, о ком идет речь?

– Знаю. – Он предложил им сесть на низкий продавленный диван, застеленный старым вытертым красным ковром, а сам сел напротив, на жесткий венский стул. – Вы ведь ко мне пришли из-за Динки? Но я не знаю, где она. Я и в милиции это же сказал. Она уехала в город и не вернулась, а я все это время жил здесь. Я учусь в техникуме, у меня есть алиби...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/danilova_anna/mne-davno-hotelos-ubit

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)